

АЛЕКСЕЙ ПИШЕНИН

БАГА
О ЖЕЛЪИ

Ковчег (ИД Городец)

Алексей Пишенин

Сага о Хельги

ИД «Городец»

2022

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Пишенин А.

Сага о Хельги / А. Пишенин — ИД «Городец», 2022 — (Ковчег
(ИД Городец))

ISBN 978-5-907483-44-6

«Сага о Хельги» – приключенческий роман, действие которого происходит в конце X века в Норвегии и на берегах Балтики, когда трон Норвегии достается Олафу Трюггвасону, прославленному викингу и ревностному христианину. Не все норвежцы согласны с той политикой христианизации, которую Олаф проводит огнем и мечом. Для тех, кто выбрал изгнание, единственный шанс вернуться на родину – победить Олафа. «Сага о Хельги» – стилизация под скандинавские саги и следует законам жанра. В романе не встретишь описаний природы или размышлений героев. Зато в нем много битв и схваток. Норвежцы, датчане, шведы, балты, западные и восточные славяне – те племена, что населяли побережье Балтики в далекие времена, – предстают перед читателями такими, как их описывают саги и немногие дошедшие до нас исторические произведения.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-907483-44-6

© Пишенин А., 2022
© ИД «Городец», 2022

Содержание

О тех, чьи имена не раз встретятся в Саге	7
Сага о том, как Хельги сын Торбранда в первый раз поехал на тинг	8
Сага о том, как Хельги сын Торбранда отправился в Трондхейм, чтобы стать дружинником ярла Эйрика	29
Сага о том, как Хельги сын Торбранда стал викинг	46
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Алексей Пишенин

Сага о Хельги

© А. Пишенин, 2022

© ИД «Городец», 2022

* * *

Алексей Пишенин родился в 1973 году в Москве. Экономист по образованию, он с детства увлекался военной историей. В последующем этот интерес перерос в серьезное изучение периода экспансии скандинавских народов с конца VIII по середину XI века нашей эры, более известного как Эпоха викингов. Путешествия по местам, где северные воины оставили свой след – от Новгорода до Стамбула и от Гнёздово до Дублина, – помогли Алексею Пишенину создать целостное представление об образе жизни и, что немаловажно, об образе мыслей этих искателей славы и приключений.

КАРТА БАЛТИКИ И ОКРЕСТНЫХ СТРАН В X ВЕКЕ

ЦИФРАМИ ПОМЕЧЕНЫ СУЩЕСТВОВАВШИЕ ПОСЕЛЕНИЯ

1. Нидарос	5. Альдегьюборг	9. Старигард
2. Упсала	6. Хольмгард	10. Аркона
3. Сигтуна	7. Висбю	11. Волин
4. Бирка	8. Еллинге	12. Щецин

О тех, чьи имена не раз встретятся в Саге

Бонды, или свободные землевладельцы

Торбранд сын *Торира* – хозяин усадьбы в заливе Аурланд, что в Согне

Хильда – его жена

Бьёрн, *Хельги* – его сыновья

Сигрид, *Хельга* – его дочери

Одд Одноногий – сосед Торбранда

Сигрун, *Ингрид* – его дочери

Асgrim с Серой горы – сосед Торбранда

Торгунн – его дочь

Харальд Тордсон – вождь в Согне, которому Торбранд с соседями не раз доверяли говорить на совете от их имени

Торвинд из Хиллестада (Кабан) – богатый бонд, живущий в соседнем заливе

Гутторм, *Торгиль* – его сыновья

Туранд – его советник

Правители Севера и их приближенные

Ярл Хакон – правитель Норвегии

Эйрик, *Свейн* – его сыновья

Гудбранд Белый – один из вождей в его дружине

Кетиль – сын Гудбранда

Свейн Вилобородый – конунг Дании, сын объединившего Данию Харальда Синезубого

Гунхильд – его жена

Эйрик Победоносный – конунг Швеции

Сигрид Гордая – его жена

Олаф – его сын

Олаф сын Трюггви – морской конунг, изгнанный из Норвегии и добывающий славу и богатство в далеких походах. Наследник одного из королевских родов Норвегии

Сага о том, как Хельги сын Торбранда в первый раз поехал на тинг

Это случилось в Норвегии в те времена, когда только несколько дряхлых стариков помнили короля Харальда Прекрасноволосого. Когда те, кто прятался в горах от Кровавой Секиры короля Эйрика¹, уже едва могли поднять меч. Когда о битве в Хьёрунгаваге² уже не рассказывали на каждом пиру после первой же кружки пива. Мало кто тогда уже называл Хакона³ ярла правителем, дарящим кольца. И все больше людей называли его Хаконем Злым, вспоминая о славных временах короля Харальда. Вспоминали и сына его Хакона, прозванного Добрым, о котором, хотя он и отказался от веры в старых богов, немало людей пожалели, когда он пал в сражении с Харальдом Серым Плащом и данами.

На южном берегу Согнафьорда в земле Норвежской жил человек по имени Торбранд сын Торира. У него был двор над заливом Аурланд и достаточно мер земли, чтобы кормить семью и дюжину работников. А пять лодок, на которых он и его люди ходили в море, не давали иссякнуть запасам сушеной рыбы в его сараях.

В морские походы, о которых так часто рассказывали бывалые люди, он не ходил, говоря, что и в родной усадьбе сможет разбогатеть. Ибо отец его и два брата пали в битве при Фитьяре⁴, защищая короля Хакона Доброго. А мать умерла годом позже, когда зерна уродилось так мало, что не из чего было сварить даже пива.

Жену его звали Хильда, и от нее у него было четыре сына и две дочери. Старшего сына звали Торир, и он сгинул в море, отправившись к родне в Исландию. Второго сына звали Кетиль, и он получил смертельный удар саксонским мечом в живот, сражаясь в Англии в дружине Олафа сына Трюггви. Третьего сына звали Бьёрн, был он высоким и широкоплечим, с рыжими волосами и голубыми глазами. От роду ему было уже восемнадцать лет, и был он искусен и в битве на мечах, и в ударах копьем. Но отец не отпускал его в походы, говоря, что в хозяйстве нужны рабочие руки, а ленивей рабов, оставленных без присмотра хозяина, он еще никого не видел. Четвертого сына звали Хельги, был он высок, но худ, с соломенными волосами и серыми глазами. Минуло ему уже шестнадцать зим, но выглядел он младше, и отец его всегда говорил, что, видать, не впрок он приносил жертвы Фрейру⁵, раз у него родился такой сын, и что старые боги, видно, совсем оглохли и ослепли и не обращают внимания на Мидгард⁶.

¹ Эйрик I Кровавая Секира (норв. *Eirik Blodøks*; около 885–954) – король Норвегии с 930 по 934 год, сын Харальда Прекрасноволосого, легендарного короля Норвегии. Был свергнут в 934 году своим братом Хаконем Добрым. Отец короля Харальда II Серая Шкура и муж Гунхильд. Прозвище получил за убийство братьев в междоусобной войне после смерти отца. После изгнания правил в Нортумбрии.

² Битва при Хьёрунгаваге – полулегендарная морская битва, произошедшая предположительно в 986 году, между норвежцами во главе с ярлом Хаконем и датским флотом под предводительством викингов из боевого братства с острова Йомсборг.

³ Ярл Хакон Могучий (?–995) – сын Сигурда Хаконсона, ярл Хладира. Его отец был убит Харальдом II Серая Шкура в 961 году, после чего Хакон искал поддержки у короля Дании Харальда Синезубого. Путем интриги стал ярлом Норвегии в 971 году, правя от лица Харальда Синезубого, но фактически являясь самостоятельным правителем. В 975 году совместно с Харальдом Синезубым воевал против императора Оттона II. После победы последнего Харальд был вынужден принять христианство и насильно крестил Хакона. Однако Хакон не принял новую религию, восстал и после этого правил Норвегией самостоятельно. В 986 году Хакон разбил датское войско в морской битве при Хьёрунгаваге.

⁴ Битва при Фитьяре – битва, в которой в 961 году Хакон Добрый победил сыновей Эйрика I Кровавая Секира, но сам погиб. В результате королем Норвегии стал Харальд II Серая Шкура, сын Эйрика.

⁵ Фрейр – бог плодородия и лета у древних скандинавов.

⁶ Мидгард – Серединный мир. В скандинавской мифологии – мир людей, существующий наравне с восемью другими мирами вокруг Мирового дерева – ясеня Иггдрасиля.

Ибо что ни делал Хельги в родной усадьбе, ничего ему не давалось. Не было у него ни терпения, чтобы распутывать сети или поджидать зверя на охоте, ни силы, чтобы управляться с сохой в поле, ни сноровки, чтобы плотничать в лодочных сараях. Пока Хельги не минуло еще десяти, старики говорили, что лежит ему путь в дружину какого-нибудь морского конунга, так как в работе дома от него мало толку. Но и во владении оружием Хельги не мог угнаться не только за братьями, но и за детьми работников и часто бывал бит их деревянными мечами.

Одно лишь хорошо удавалось Хельги – петь песни и слагать висы. Когда на пути из Трондхейма на юг у них дома останавливались бывалые люди, среди которых иногда бывали и скальды, то готов он был до утра подносить им пиво и лучшие куски мяса. А проводив их до корабля, начинал повторять их рассказы и песни, а после и сам сочинял висы об их странствиях и мечтал о далеких странах, в которых однажды окажется.

За висы его любили и мать, и старшие сестры, Сигрид и Хельга. Но отец говорил, что в его времена только тот считался истинным скальдом, кто мог не только болтать языком, но и по главе клина воинов врубаться в стену длинных щитов. И что мало чести рассказывать о чужих подвигах, когда сам не можешь удержать меча.

Бьёрн научил Хельги обращаться с луком и стрелами, но говорил, что его умения хватит только на то, чтобы отгонять волков от скота на летних пастбищах в горах. Да и то если собаки помогут.

В ту осень Торбранд решил, что Бьёрну пора жениться. Из соседских дочерей на выданье он приглядел Торгунн, дочь Асгрима с Серой горы, за которой, как он знал, в приданое, помимо надела доброй земли и серебра, отец давал двух телок, два платья из франкского бархата, дюжину рубах из тонкого фризского холста, серебряную чашу арабской работы и много утвари попроще.

Когда Бьёрн узнал о том, что задумал отец, он сказал:

– Не много радости мужу сулит такая жена, которая лицом похожа на высушенную треску, а когда ходит, то переваливается с ноги на ногу, как хромая утка. Да и лет ей уже больше двадцати. С такой женой немудрено, что муж зимует у далеких берегов, раздавая добытое в походе серебро охочим до него женщинам. Если ты, отец, хочешь, чтобы следующей весной у Олафа Трюггвасона в его дружине в земле англов появился еще один воин, то засылай сватов к Торгунн.

– Не много ума ты нажил, прожив немало лет, – ответил Торбранд, – если спешишь отказаться от такого приданого и идти в дружину безземельного конунга. В прошлом году на осенней ярмарке видел я Торгунн и не скажу, что она красивей многих, но где же еще найдешь девушку, за которой дадут столько добра?

– Сдается мне, что в Англии можно найти добра и поболее того. А если хочешь женить меня, то шли сватов на двор Одда Одноногого, к дочери его Сигрун.

– Неважную жену ты себе выбрал, – ответил Торбранд, разозлившись. – Ни богатством, ни происхождением не славен род Одда сына Торгейра. Только спеси у него столько, что только конунгу и пристало. Слышал я, что ищет он для дочерей своих женихов уже не первый год, да только свадебного пива выпить пока не приходилось. И дочери – все в него, подавай им в мужья сына ярла, а то и конунга. А всего приданого-то обещает – пару овец да простых рубах.

– Одд по матери ведет свой род от Хальвдана Черного⁷, хотя и по побочной ветви. А что богатств у него нет, так зато обе дочери – как на подбор. И не променяю я жену из рода конунга на двух телок и старую треску, что будет хозяйничать в моем доме.

И так бы они спорили долго, но Хильда, которая была поблизости, услышала их разговор и вмешалась. Не дело, сказала она, когда двое мужчин готовы поссориться из-за размера приданого, когда неизвестно, согласятся ли родные Сигрун на сватовство Бьёрна. Да и саму

⁷ Хальвдан Черный (ок. 820–860) – король Агдир и Вестфолда – областей в Норвегии.

ее неплохо было бы спросить, ибо характер у их семьи действительно спесивый, а ничего нет хуже жены, выданной замуж против ее воли. И не раз бывало, что угощала такая жена мужа не овсянкой и свиной, а ударом ножа на брачном ложе. Потому не лучше ли, спросила она, дожидаться осенней ярмарки, и там Бьёрн сможет переговорить с Сигрун наедине и узнать, как она относится к его намерениям. А уж если она сама согласится, то тогда и с родней ее сподручнее будет спорить по поводу приданого. А что до Торгунн, то сватовство к ней может и подождать, ибо не слышала она о дюжинах женихов, осаждающих ее двор. Однако если Сигрун не согласится выйти замуж за Бьёрна, то, видать, лучшей жены, чем Торгунн, ему не найти.

И мужчины послушали ее, потому как считалась она женщиной редкого ума, и не раз Торбранд жалел, что нет ее с ним рядом на тинге, куда допускались только те, кто мог носить меч.

Однако и Торбранд, и Бьёрн, договорившись, думали каждый о своем.

Скоро в горах по ночам стало холодно, и Торбранд послал людей вернуть домой скот с летних пастбищ. Вместе с ними вернулся и Хельги, который каждое лето проводил пастухом в горах. Вернулся он подростком и уже почти сравнялся с братом, но оставался худым, и видно было, что силы в нем прибавилось меньше, чем роста.

Тем вечером Хильда приказала слугам подать на стол жареную свинину и не жалеть пива. После того, как все наелись и завели разговоры, Бьёрн рассказал брату о своем уговоре с отцом. И сказал, что вначале казалось ему, что не будет труда понравиться Сигрун, а теперь услышал он, что собирается свататься к ней Гутторм сын Торвинда из Хиллестада. А семья Торвинда известна богатством и гордыней, и Гутторм не пожалеет серебряных украшений, чтобы понравиться Сигрун.

На это Хельги ответил, что, хотя многие и согласились бы с тем, что их отец сказал об Одде Одноногом, однако готов он помочь брату. Ибо никакое серебро не сравнится в деле знакомства с девушкой с хорошей висой о ее золотых косах и изумрудных глазах.

На это Бьёрн ответил, что настоящие мужчины, по его мнению, не нуждаются в висах, потому как женщинам и так люб тот, кто может похвалиться серебром и золотом, добытым в славном походе. Но что в его случае, когда отец не хочет и слышать о том, чтобы отпустить его в Англию, то и виса может помочь. А иначе он все равно отправится за море, потому как с Торгунн он жить не будет. Однако, сказал он, сложно будет ему сложить такую вису, чтобы ее повторяли потом долгие годы и чтобы пересилить все серебро Гутторма. На это Хельги ответил, что о виси он позаботится.

Когда деревья в их краях покрывались желтой листвой, в Аурландфьорд заходили корабли купцов с юга и севера Норвегии. Тронды привозили меха, ворвань, кость морского зверя. Люди из Вестфолда и Телемарка привозили соль, железо, скобяной товар. Иногда заходили торговцы с Готланда. Тогда можно было купить и украшения редкой работы, и дивную струящуюся ткань из далекой страны Син, и узорное оружие из земли арабов, где, по слухам, люди не едят свинины и не пьют пива.

Корабли бросали якорь в заливе недалеко от усадьбы Харальда Тордсона, самого уважаемого человека в округе. Когда в заливе появлялись паруса, Харальд посылал своих сыновей пригласить всех соседей на торг. А многих звал и погостить у него в усадьбе день-два, послушать новости о ярле Хаконе, о делах в Исландии и на островах да о датчанах. А после нескольких дней торга, когда часть купцов, распродав свой товар, отправлялась назад, начинался тинг, где выборные разбирали тяжбы, скопившиеся за год, объявляли о новых законах и собирали серебро, причитающееся ярлу. Этот тинг люди называли малым или осенним, поскольку большим тингом, или Гула-тингом, называлось весеннее собрание всех людей из Согна и окрестных земель.

Всего с округи съезжалось около трех сотен мужей и примерно треть того женщин. И как ни велика была усадьба Харальда Тордсона, всех она вместить не могла. И поэтому многие гости жили в палатках и под навесами, окружавшими торг. Здесь же жили и некоторые купцы, однако многие из них предпочитали ночевать на кораблях, заботясь о том, чтобы никто, польстившись на их товар и перебрав пива, не вздумал заплатить за него сталью вместо серебра. Ведь хотя они и находились под защитой закона и гостеприимства Харальда Тордсона, кто мог решить, что серебряная марка – слишком высокая цена по сравнению с ударом меча. Особенно если пиво в рог лилось крепкое, осеннее.

В этот год Торбранд решил в первый раз взять на торг не только Бьёрна, но и Хельги. Хильда с дочерьми осталась дома, следить за хозяйством. В первый же день Торбранд смог удачно продать молодых бычков и сушеную рыбу. Поторговавшись с полудня почти до заката, он также купил соли и железа для своей кузни. На радостях, что не продешевил, он не пожалел серебра на дорожную ткань в подарок Хильде и дочерям.

Бьёрн в это время успел обойти всех купцов и только у самого последнего нашел то, что хотел. Это была заковка для плаща, сработанная из серебра с янтарем. И даже Торбранд сказал, что с таким подарком Торгунн придется еще долго ждать жениха.

На торг съезжались люди со всей округи: здесь был и Одд Одноногий с дочерьми, и Асgrim с Торгунн и сыновьями, и Торвинд из Хиллестада, который приехал, видать, нарочно, чтобы устроить свадьбу сына и Сигрун, потому как обычно ездил на ярмарку на север, в Трондхейм, полагая, что там и купцов больше, и торг лучше. С Торвиндом приехали два сына – Гутторм и Торгиль. Гутторму тогда должно было скоро исполниться двадцать лет от роду, Торгиль был года на четыре младше.

Здесь Хельги в первый раз увидел Сигрун, которую показал ему Бьёрн, чтобы быть уверенным, что в висе голубые глаза не станут изумрудными, а золотые волосы – русыми. И Бьёрн долго хвалил ее красивое лицо, мягкую поступь, высокий рост, спокойный взгляд. Но Хельги больше смотрел на младшую сестру Сигрун – Ингрид. Ингрид была на два года младше Сигрун, а той уже минуло семнадцать зим. Но если у Сигрун красота была холодной, то лицо Ингрид каждое мгновение менялось, то расцветая улыбкой, то поднятыми бровями задавая какой-то вопрос, то поджатыми губками выражая недовольство. Ростом была она пониже сестры, но походка была такая же легкая, а волосы у нее были соломенного цвета и коса доставала до пояса.

Долго Хельги не мог глаз отвести от Ингрид, да брат сказал ему, что такая девушка вряд ли суждена тому, кто не славен ни землей, ни военным счастьем, ни серебром.

А вечером все знатные люди округи собрались на пир в доме у Харальда Тордсона. Ибо Харальд был самым знатным человеком в округе и вел свой род от Харальда Золотобородого, хотя и по женской ветви. И не будь Норвегия теперь целиком под властью Хакона ярла, мог бы Харальд стать королем Согна. Особенно после того, как секира короля Эйрика выкосила многих других наследников.

Дом у Харальда был такой большой, что мог вместить почти восемь дюжин пирующих. Построен он был, как начали строить только недавно – с отдельными клетями для хозяина и хозяйки и для незамужних женщин. Пиршественная палата была шире, чем у любого из соседей, и поэтому крышу, крытую дерном, в ней подпирали два ряда мощных столбов. А чтобы в палате было светлее, помимо очага в середине, ее освещали факелы, что слуги вешали на столбах.

В остальном все было привычно. Столы на козлах расставили посреди палаты вдоль очага, для почетных гостей приготовили отдельный стол в дальнем от дверей конце, женщины расселись на лавках вдоль стен. Зная буйный нрав некоторых из соседей, Харальд повелел

снять со стен все оружие, а гостям позволялось взять с собой на пир только один нож для того, чтобы разрезать мясо.

Торбранду досталось место за столом для почетных гостей, а Бьёрну и Хельги – с молодежью, недалеко от дверей. Рядом с ними сидели братья Торгунн, было их трое, а чуть поодаль – Гутторм и Торгиль, сыновья Торвинда из Хиллестада. Оба брата были невысокими, но плотными. Волосы у них были рыжего цвета, и даже у младшего уже пробивалась густая рыжая щетина. Были они розовощекие, с широкими лицами и короткими носами, за что их за глаза называли Поросятами, потому как отца их издавна прозвали Кабаном. Прозвище это получил он за то, что всегда носил ожерелье с зубами кабана, которого убил ножом когда-то давно в земле саксов после того, как рассвирепевший от стрел кабан распорол ему бедро.

За спинами мужчин на лавках сидели девушки, и много было шуток, пока все расселись, потому что все хотели сидеть лицом к тем, что им нравились. Задолго до начала праздника Хельги сложил драпу, посвященную красоте Сигрун, и рассказал ее Бьёрну. Тот, выслушав, сказал, что мало в честь какой девицы не из семьи конунга складывались такие висы и что теперь Гутторм может весь вечер подмигивать Сигрун, он не боится такого соперника. На это Хельги предупредил брата, чтобы тот не сильно налегал на пиво, потому как пиво Харальда Тордсона, подаваемое на осеннем празднике, славилось своей крепостью, а нет большего позора для скальда, чем забыть слова своей висы перед всеми знатными людьми округи.

Пир начался с тарелок с овсянкой, которые слуги расставили посреди стола. Затем появились жареная свинина, баранина и селедка, приготовленная пятью способами. Харальд Тордсон поднял свой рог за здоровье гостей, и пир начался. Пиво действительно было крепким и душистым, и когда все гости плеснули его в очаг, чтобы почтить богов, палата наполнилась густым запахом ржаного хлеба. Первое время слышались только чавканье, треск разгрызаемых свиных и бараньих костей и приказы слугам долить пива. Наконец все утолили первый голод, и уместно стало перейти к долгим здравицам и неторопливым беседам.

Сначала выпили за хозяина дома и его семью, потом Харальд сам начал чествовать своих гостей, сидящих с ним за одним столом. Потом встал Одд Одноногий и предложил выпить за Хакона ярла. Тут же начались споры, а Торвинд Кабан предложил выпить и за Олафа сына Трюггви, самого славного воина Норвегии. Одд с Кабаном едва не схватились, но Харальд Тордсон позвал скальда, гостившего в его доме, и тот спел несколько песен и закончил драпой о короле Харальде Прекрасноволосом. И хотя все знали о судьбе великого конунга, однако драпа была составлена таким сложным языком, что многие только делали вид, что наслаждаются ее сравнениями и иносказаниями, чтобы не показаться невежами перед соседями.

И тогда Торбранд сказал, что нынешние скальды уже не те и что размер для них стал много важнее того, о чем они рассказывают. На это Одд Одноногий возразил, что многие бы согласились с Торбрандом, однако те, кому выпала честь пожить при дворе конунга, знают, как отличить плохую вису от хорошей. На это Торбранд ответил, что хотя и не было ему оказано такой чести, однако и дома у него есть ценители хороших вис. И тут он крикнул Хельги, чтобы тот поднялся. Однако вместо Хельги встал Бьёрн, который хотя уже и покачивался слегка от крепкого пива, но все же шепнул брату, что лучшей возможности не представится и что пиво только заставляет его язык быстрее поворачиваться во рту. Бьёрн сказал так:

– Брат мой Хельги – известный в нашей округе скальд, но когда вокруг так много прекрасных девушек, то и у меня, быть может, что-нибудь получится. Потому не разрешат ли уважаемые гости и мне сказать вису?

Тут все одобрительно закивали головами, потому как в любом случае видели, что предстоит им веселое развлечение, о котором можно будет рассказать домочадцам, не поехавшим на торг. Ведь многие знали, что Бьёрн хорош с мечом и топором, однако еще древним было

известно, что клинком можно вырубить руны, но сложить их в хорошую вису может только тот, кто хлебнул меда Браги⁸.

Когда все выкрики затихли, Бьёрн повернулся лицом к почетному столу и начал, глядя на отца и Харальда Тордсона:

*В палатах Фрейи⁹, где пляшут феи,
Там рождена была она.
Прекрасней нет, то знает свет.
Один лишь взгляд – для сердца яд.
Забить такой не смог герой.
В его лучах бессилён мрак.
В нём синь морей, бег Ран¹⁰ коней
И солнца свет – ни тучки нет.
И небосклон. Сражает он.*

Тут Бьёрн впервые посмотрел на Сигрун:

*Фафнира¹¹ злато, камней красу
В твои палаты я принесу
И все отдам прекрасной деве,
Чтоб навсегда была моею.*

Когда Бьёрн закончил, гости еще несколько мгновений молчали, словно ожидая продолжения, а потом все разом разразились одобрительными криками. Ибо такой размер, где в каждой висе были созвучия, все еще был непривычен в их краях, хотя после того, как Эгиль Скаллаgrimсон¹² рассказал свою драпу конунгу Эйрику в Йорвике, минуло уже лет сорок. Однако Эгиль тогда выкупал у конунга свою голову, и мало кто мог повторить его подвиг без того, чтобы на кону не стояла жизнь.

Также все заметили, на кого смотрел Бьёрн, когда рассказывал вторую часть драпы, потому за столом сразу начались шутки, Сигрун покраснела, однако время от времени бросала довольные взгляды на Бьёрна. Харальд Тордсон сказал Одду, что хотя такая драпа стоит не так дорого, как золото дракона Фафнира, однако она может быть равна по стоимости вено за одну из его дочерей, ибо теперь они будут славиться на всю округу и даже за пределами Согна. На это Одд ответил, что над этим, конечно, надо подумать, однако в молодости слышал он драпы и получше, к тому же у этой недоставало одной части. И все же видно было, что он задумался.

За столом было всего четыре человека, которые не радовались удаче Бьёрна. Это были его отец, который понял, что сыновья его перехитрили, и Торвинд Кабан из Хиллестада с сыновьями.

Те долго и мрачно через стол смотрели на довольного Бьёрна, хотя до того весело перемигивались с девушками. Потом Гутторм громко сказал Бьёрну:

⁸ Браги – в скандинавской мифологии бог-скальд, прославленный своими мудростью и красноречием. Муж богини Идун. Согласно легенде, отец Браги, Один, обманом похитил Мед Поэзии у великана Гуттлунга, а затем отдал его своему сыну.

⁹ Фрейя – в скандинавской мифологии богиня любви и войны, сестра-близнец Фрейра.

¹⁰ Ран – в скандинавской мифологии великанша, божество моря, жена Эгира. По поверьям, Ран владела сетью, которую набрасывала на корабли, чтобы утащить их в пучину. *Конь Ран* – кенинг, иносказание, обозначающее корабль.

¹¹ Фафнир – в скандинавской мифологии один из братьев-карликов, принявший образ дракона, чтобы охранять золото, похищенное у их отца. Убит Сигурдом.

¹² Эгиль Скаллаgrimсон – герой «Саги об Эгиле», стихами выкупивший свою жизнь у короля Эйрика I Кровавая Секира в Йорке (Йорвике).

– Не слышал я что-то о богатствах, которыми мог бы ты хвастать. Видать, люди ошибались, раз ты готов отдать так много золота за женщину.

– Мой отец не беднее многих, а я теперь его старший сын, так что и на мою долю кое-что достанется, – ответил Бьёрн. – А кроме того, есть у меня еще и меч и сильная рука, чтобы не дожидаться наследства, а добыть достаточно серебра в морских походах. Не зря люди говорят, что храбрость – то же богатство.

– Всякий скажет, – ответил Гутторм, – что не пристало хвалиться серебром до того, как добыл его. Не пристало и хвалить невесту другого, ежели не хочешь отведать ударов его меча. Но, видать, не зря прозвали Торбранда Жадным, раз в роду у вас принято зариться на чужое.

Бьёрн побагровел, но ответил так:

– Не пристало звать своей невестой ту, что еще не просватана. А что до ударов мечом, то мы, сыновья Торбранда, больше их наносим, чем получаем в ответ. И если у кого-то нет веры моим словам, то готов я доказать это немедленно.

Тут братья Торгунн, которым сын Торбранда был верным другом, решили прекратить этот спор и позвали Бьёрна выйти на двор помочиться. С ними вместе вышел и Гутторм, сказав, что легко рассуждать об ударах меча, сидя у очага за пивом, но еще поглядит он, как станет говорить Бьёрн, когда увидит блеск стали. Однако спор этот не остался незамеченным, и вместе с ними на двор вышли и некоторые мужчины, чтобы охладить пыл спорщиков.

Хельги остался сидеть, а напротив него сидел Торгиль, брат Гутторма. Были они одногодки, однако Торгиль был намного шире в плечах, да и по всему виделось, что растет он воином. И Торгиль так сказал Хельги:

– Не пройдет и месяца, как мой брат возьмет себе в жены Сигрун. А мне отец обещал, что через год и я стану мужем ее сестры Ингрид. И твой брат, если останется в живых, не раз еще вспомнит, как перепился пивом и пытался поспорить с сыном Торвинда Кабана.

Сказано это было громко, и так как их край стола опустел, то слова его услышали и за соседним столом, и среди женщин. И Хельги видел, как Сигрун и Ингрид обе смотрят на него. Тогда он сказал:

*Не свинье с ее корытом
Те мечты о деве юной.
В небе сокола узрела
И к нему летит стрелою.*

От такого оскорбления Торгиль вскочил, схватил нож и, перепрыгнув через стол, оказался совсем рядом с Хельги. Хельги попытался отбить его удар своим ножом, но Торгиль одним ударом рассек ему руку, и клинок упал на землю. Тогда Хельги левой рукой схватил факел, что висел на ближайшем столбе, и со всей силы ткнул им в лицо своего врага. Торгиль закричал, его волосы, которые перед пиром долго расчесывал он костяным гребнем, мгновенно вспыхнули, и он, продолжая голосить, повалился на землю. Хельги схватили сзади и оттеснили в угол палаты. Он увидел, как вскочил Харальд Тордсон и вместе с ним все остальные гости.

Раздался громкий голос Харальда, велевший всем успокоиться, иначе не избежать кровной вражды. И уже более спокойно он продолжил, сказав, что раньше молодежь умела пить и в его молодые годы, конечно, бывали свары за столом, но уважения к хозяину никто не забывал.

– Но мужам мудрым не стоит прерывать пир из-за того, что безусые юнцы решили выяснить, кто из них глупее, – продолжил он. – Потому пусть женщины позаботятся об их ранах. Однако, поскольку все произошло на пиру в присутствии всех знатных людей из округи, то можно считать, что о нарушении мира уже объявлено и права на немедленную месть уже ни у кого нет. А послезавтра на тинге мы узнаем, захочет ли кто попросить виру за оскорбления и увечья. А я обещаю, что хотя всякий видел, кто достал оружие первым, но по обычаю свиде-

тели с обеих сторон будут выслушаны. А сейчас время веселиться, и если у кого-то пропала охота до пива и песен, то тот может идти, но места ему в этом доме больше не будет.

В это время со двора в зал вернулись Бьёрн и Гутторм, и у Бьёрна была рассечена бровь, а у Гутторма заплыл один глаз и виднелись красные полосы на шее. Чтобы не случилось кровавой схватки, бывалые мужи убедили их, что лучше решить все в кулачном бою, не доводя дела до оружия. И в схватке победил Бьёрн, свалив противника на землю и чуть не придушив. Оба они сели тихо, стараясь не привлекать к себе взглядов.

Торбранду, как и Торвинду Кабану, пришлось остаться за столом и, чтобы не нарушать мира, делать вид, что ссора за столом их мало заботит. Но мало было веселья у них на душе. Братья Торгунн следили за тем, чтобы между Бьёрном и Гуттормом не вышло новой склоки. Пир продолжался, и все говорили, как Одду повезло с дочерьми, раз из-за одной из них уже едва кого-то не убили, а ведь обе они еще молоды, и, может случиться, та схватка была не последней.

Торгиля и Хельги вывели из палаты. Торгиль тихо подвывал, его обожженное лицо укутали платком. Он ничего не видел, и его отвели на сеновал и дали крепкого пива, чтобы он лучше сносил боль.

Рука у Хельги обильно кровоточила, но он сразу забыл о боли, увидев, что перевязать его рану вызвалась сама Ингрид. Она велела ему стоять смирно, не разговаривать и вытянуть руку вперед. Потом она отрезала рукав рубахи, промыла рану водой, положила на нее сухого мха и трав. Обвязав мох отрезанным рукавом, она со всех сторон осмотрела повязку и сказала:

– Тебе повезло, Хельги сын Торбранда. Не пройдет и двух недель, как ты забудешь об этой ране. Того не скажешь о Торгиле Торвиндсоне. Не скоро еще люди привыкнут видеть его безбровым и со шрамом во все лицо. Дерешься ты хуже, чем слагаешь висы. Но и то и другое надолго запоминается.

– Тебе понравился мой нид про Гутторма? – спросил Хельги.

– Мне понравилась и драпа, о которой все думают, что ее сложил твой брат, пораженный красотой моей сестры. Но я много слышала о Бьёрне, поэтому в благодарность за эту перевязку когда-нибудь ты подаришь мне драпу не хуже, чем Бьёрну с Сигрун.

– Ты не веришь, что драпу сочинил Бьёрн? – снова спросил Хельги.

– А ты бы поверил, если бы тебе сказали, что рыбы научились летать? Но у вас с братом Сигурд¹³ не похож на великого воителя. Хотя моей сестре не важно, кто сочинил драпу. Ей важно, что все поняли, для кого ее сочинили. Так что с тобой не случится того, что случилось с Сигурдом.

Хельги решил не продолжать этот спор, ведь Ингрид оказалась куда более бойкой на язык, чем он ожидал, и он побоялся, что она заставит его подтвердить свои догадки неосторожным словом. Поэтому он постарался перевести разговор на иное:

– Торгиль говорил, что в этом году Гутторм женится на Сигрун, а в следующем – он на тебе. Если все так сговорено, то почему ты перевязываешь меня, а не его?

– Гутторм уже год добивается Сигрун, но мой отец потерял ногу при Хьёрунгаваге. Тогда он бился за ярла Хакона и первым перешел на борт корабля Бу Толстого, хотя теперь, быть может, многие бы сказали, что стоило и промедлить, раз топор Бу еще не затупился. И ему не нравятся люди, которые чрезмерно хвалят Олафа сына Трюгви. Потому не станет он принуждать Сигрун выходить за Гутторма. А самой ей он перестал нравиться с тех пор, как она узнала, что за глаза зовут его Поросянком. Теперь, после твоего ниды о свинье и корыте, Сиг-

¹³ *Сигурд* (*Зигфрид*) – герой «Песни о Нибелунгах» – германо-скандинавского эпоса. По легенде, Сигурд, великий воин и победитель дракона Фафнира, воспользовавшись плащом-невидимкой, позволяет брату своей невесты добиться руки Брунгильды, королевы Исландии.

рун за него не выйдет, сколько бы серебра он ей ни посулил. Что же до меня, то мне Гутторм и Торгиль не нравились с самого начала. Вряд ли Торгиль понравится мне больше с красным ожогом во все лицо, – объяснила она и, рассмеявшись, быстро ушла.

А Хельги пошел в лодочный сарай, где им отвели место для ночлега. И здесь он скоро заснул, потому как пиво у Харальда Тордсона было и правда доброе.

Наутро, когда Хельги проснулся, увидел он отца с братом, что храпели рядом. Он встал, чтобы выйти на улицу помочиться, однако Торбранд, услышав шорох, проснулся:

– Харальд объявил, что спор твой с Торгилем будет разбираться на тинге. Так что до тинга ты под защитой мира. Но много я слышал о Торвинде из Хиллестада и его сыновьях, так что не стоит тебе отходить далеко от нашего сарая – кто знает, не прилетит ли откуда-нибудь случайная стрела.

Потому день до тинга Хельги провел в сарае, выходя только по нужде. Бьёрн с Торбрандом ушли на торг, чтобы послушать знающих людей. Когда Бьёрн вернулся, он еще раз поблагодарил брата за драпу и рассказал, что смог перемолвиться несколькими словами с Сигрун и подарить ей заколку для плаща. Что до Торгиля, Гутторма и их отца, то Одд отказался отдать Сигрун в их род, сказав, что не станет неволить дочь выйти за человека, который ей не люб. А у Торгиля обожжено все лицо, и он лежит с головой, обмотанной какой-то вымоченной в настое из горных трав тряпицей. И Торвинд Кабан страшно зол, но все люди смотрят на него косо, потому как он чужак у них в заливе Аурланд, и делать ему нечего, кроме как добиваться правды на тинге.

Вечером пришел Торбранд и сказал, что тяжбу о нарушении мира рассудят первой, потому как случилась она у всех на глазах и нет в ней недостатка свидетелей. И что днем в залив зашел корабль Гудбранда Белого, который на тинге будет говорить от имени ярла Хакона. Потом он выпил пива и заснул. А Хельги долго выпрашивал Бьёрна о том, что может ждать их на тинге. Однако Бьёрн был не настолько силен в законах и обычаях, чтобы сказать наверняка. Потом они заснули.

На тинг жители Аурландфьорда собирались каждый год. Собрание то проходило на поляне у старого ясеня, что рос в десяти полетах стрелы от усадьбы Харальда Тордсона и прозывался ясенем правосудия. Старики говорили, что на этом месте люди собирались уже не первую сотню лет, и ясень считался священным, подобно самому Иггдрасилю, древу Одина¹⁴.

Сначала все взрослые мужчины на тинге выбрали девять судей. Затем девять выборных выбрали старшего промеж собой. Но времени это отняло немного, потому как уже много лет Харальд Тордсон избирался старшим судьей и законоговорителем. После девять судей принесли жертвы богам, чтобы те наставили их в справедливости. Затем все они сели на длинную скамью под ясенем правосудия. А остальные бонды остались стоять полукругом.

Харальд начал с того, что воздал хвалу всем присутствующим за сохранение мира в их краях, ибо, сказал он, мир между соседями ведет к тому, что край их процветает, а мужчины могут без опаски ходить в походы за море, возвращаясь со знатной добычей. И хорошо то, что за последнее время было не много убийств и краж скота, а все больше мелкие ссоры из-за недоданного приданого за невестой или неразделенного наследства.

Затем сказал он, что судьи готовы к рассмотрению тяжб, но перед тем, как главы семей смогут рассказать о нанесенных им обидах, хотел бы он разобраться со ссорой, что произошла на их пиру два дня назад. Он посмотрел на Торбранда и Торвинда Кабана и спросил:

¹⁴ *Один (Игг, Высокий, Всеотец)* – в скандинавской мифологии верховный бог, предводитель богов-асов. Бог войны и победы, покровитель племенных вождей.

– Не в моем обычае уделять много внимания ссорам между безусыми юнцами, но, быть может, кто-то из вас думает по-другому. Потому если сочтете вы эту мелкую схватку достойной того, чтобы о ней услышали все собравшиеся, то скажите об этом прямо сейчас.

Из толпы тотчас вышел Торвинд Кабан и сказал, засунув большие пальцы за кушак:

– Двор мой стоит далеко от Аурландфьорда, и я чужой здесь. Но знаю я о справедливости тех, кто живет на этих берегах, и хочу, чтобы все вы поглядели на моего сына Торгиля.

Тут все обернулись на Торгиля: его лицо было закутано в грязную тряпицу, из-под которой виднелись только глаза. Несмотря на то, что все старались сохранить серьезность, не всем из молодежи это удалось, и они рассмеялись. Невозмутимый, Торвинд продолжал:

– Многие говорят, что споры юнцов не стоят того, чтобы серьезные мужи разбирали их на тинге, но Торгилю минуло уже шестнадцать лет, и в моих краях сказали бы, что он вправе просить правосудия. О Хельги сыне Торбранда я слышал, что его тоже нельзя назвать младенцем, что не может ответить за то, что натворил. И коли сидел он за одним столом с мужами, ответ ему предстоит держать как мужу. – Тут он посмотрел на Хельги, который стоял в толпе рядом с Бьёрном. – Хотя признаю я его право отказаться от этого спора и перепоручить его своему отцу. Что же до спора Торгиля с Хельги, то я не назвал бы его детской ссорой, ибо Торгиль будет носить след о нем всю отмеренную нормами¹⁵ жизнь. И лишь по воле случая не получил он серьезного увечья и не остался слепым либо не окривел.

Бьёрн увидел, как Хельги побледнел. Видно, сильна была его надежда на то, что Торвинд Кабан, боясь обвинения в нарушении мира, захочет, чтобы эту тяжбу рассудили как простую ссору без членовредительства. Так судили бы по закону, если бы Гутторм обвинил Бьёрна в том, что тот его едва не задушил. А возможно, просто посмеялись бы над тем, кто не может дать сдачи, и прогнали бы его прочь. Бьёрн наклонился к брату и прошептал:

– Кабан хочет твоей крови или серебра, как за увечье, но ему надо доказать, что ссору затеял ты. А для этого придется ему рассказать всем о твоём ниде и тем ославить и себя, и своих сыновей.

Торбранд в это время в стороне перешептывался с Асгримом с Серой горы, отцом Торгунн.

Торвинд Кабан же продолжал:

– И раз увечье нанесено, и даже слепой может его увидеть или ощупать, – он показал на Торгиля, – то я требую виру в размере обычного возмещения за увечье свободного бонда. В этом случае я и моя семья готовы забыть об оскорблении, которое нам тут нанес Хельги сын Торбранда. Если же Хельги или Торбранд не готовы принять тот мир, что я им перед всеми предлагаю, то требую я судебного поединка между Хельги сыном Торбранда и Торгилем сыном Торвинда. И прошу судей не забыть про ранение моего сына и назначить поединок не ранее чем через три дня.

Хельги побледнел еще больше и спросил у Бьёрна, думает ли он, что их отец согласится заплатить виру Торвинду Кабану. Бьёрн ответил ему, что на это можно даже не рассчитывать, потому как отец их не станет платить виру за увечье, которого нет, ибо и руки, и ноги, и глаза у Торгиля невредимы. А ожог на лице не стоит двух марок серебра. И, видать, Кабан ведет дело к поединку. Хельги слова о поединке совсем не порадовали, ибо трудно было ему представить, что сможет он совладать с Торгилем, даже если у того будет повязка, мешающая видеть.

Торвинд Кабан, сказав свои слова, отошел от скамьи судей к своим сыновьям и спутникам, сопровождавшим его в путешествии из Хиллестада. Пришло время говорить Харальду Тордсону:

¹⁵ *Норны* – в скандинавской мифологии три великанши, волшебницы, наделенные чудесным даром определять судьбы мира, людей и даже богов. По легенде, они прядут пряжу, каждая нить которой – судьба отдельного человека. Когда нить обрывается или обрезается, человек умирает.

– Прежде чем придет нам время услышать, что скажет нам Торбранд сын Торира, хочу я напомнить, что рассудить нам здесь предстоит не столько обвинение в увечьях, ибо в размере их нам еще предстоит разобраться, сколько в нарушении мира. Когда бы Торвинд сын Торвинда из Хиллестада не захотел разбирать эту тяжбу как ссору между взрослыми мужчинами, а отнесся бы к ней как к мелкой потасовке на дальнем конце стола, то и о нарушении мира говорить бы не следовало. Однако теперь, когда Торвинд Торвиндсон потребовал виру или судебного поединка, я как хозяин дома, в котором были обижены мои гости, требую возмещения с Торгиля сына Торвинда, что нарушил мир тем, что начал наносить Хельги сыну Торбранда удары ножом.

Бьёрн подмигнул Хельги, который, казалось, воспрял духом и стал смотреть по сторонам. И взгляд его во многих глазах встречал поддержку и одобрение.

Прежде чем Харальд Тордсон смог продолжить, Торвинд Кабан снова вышел к скамье судей и попросил слова:

– Всякий знает, что мир в доме священен, – сказал он. – И всякий знает, что нарушивший этот мир достоин самой строгой кары. И я присоединяюсь к Харальду Тордсону в его желании покарать преступившего закон. Однако хочу я напомнить, что нарушить закон можно не только ударом меча или копья. С древних времен повелось, что оскорбление словом стоит не менее, чем оскорбление мечом. И перед всеми присутствующими готов я поклясться, что оскорбление словами было нанесено сыну моему Торгилю присутствующим здесь Хельги Торбрандсоном. И если кого и обвинять в нарушении мира, то не Торгиля, а все того же Хельги, которого ранее обвинил я в нанесении увечий.

Тут, очевидно, как было договорено с Торбрандом, из толпы вышел их сосед, Асгрим с Серой горы, известный знаток законов, которого не выбрали в состав судей только потому, что знание свое привык он использовать больше во благо себе, чем другим. Он сказал так:

– Говорить меня попросил Торбранд сын Торира, потому как силен он больше в делах усадьбы, чем в законах. И от его имени хочу я сказать всем, кто здесь собрался, что оскорбление словами не может подтверждаться клятвой, как говорит древний закон. Ибо сначала судьи должны разобраться, что за слова были сказаны, а затем решить, было ли в них оскорбление. Посему хочу я, чтобы Торгиль Торвиндсон вышел сюда и рассказал нам всем о тех словах, что сказал ему Хельги Торбрандсон, и чтобы потом Хельги Торбрандсон подтвердил, что говорил такие слова. А потом могли бы мы заслушать свидетелей.

Все судьи закивали в знак одобрения слов Асгрима. Торвинд Кабан попытался что-то возразить, однако никакого подходящего толкования закона не вспомнил. Тогда он сказал, что, по его мнению, слова, сказанные Хельги, и так уже слышали многие, и что не дело позорить его семью, повторяя их еще раз. На это Асгрим ответил, что судьи должны услышать эти слова сами. От него или от Торгиля, потому как полагаться на женщин, сидевших недалеко, когда вспыхнула ссора, никак невозможно. Ибо всякий знает, что женская память короче самого короткого слова. И не зря потому женщин призывают в свидетели, только когда других свидетелей нет.

Пока Асгрим говорил, Торбранд подошел к сыновьям и тихо сказал Хельги:

– Не знаю, как ты сможешь выстоять против Торгиля с мечом в руке, а платить серебром человеку, оскорбившему моего сына, – не в моих привычках. Слышал я, что в земле англов так принято, и каждый год тамошние вожди собирают серебро, чтобы отдать его морским конунгам, пришедшим грабить и разорять их земли. Но там они веруют в Белого Христа, который велел им, как я слышал, не мстить обидчикам. Наши боги не одобряют подобную глупость, и если я один раз заплачу виру человеку, ударившему ножом моего сына, то недолго и остальное серебро останется в моих руках, ибо желающих таким образом добыть себе богатство будет немало. Посему и позвал я Асгрима и пообещал ему добрую награду. Но сейчас уже все зависит не от него, а от Кабана и его сына.

И действительно видно было, как колеблется Торвинд Кабан. Ясно было, что не имелось у него желания еще раз услышать нид про свою семью. Но и ожог на лице Торгиля требовал мщения. И долго бы он переминался с ноги на ногу и качал головой, если бы Харальд Тордсон не поторопил его:

– Так каково же было оскорбление, нанесенное сыну твоему? Или оно было такое незначительное, что ты уже и позабыл о нем?

– Память у меня хорошая, – ответил Кабан, – но слов тех я произносить не буду. Достаточно моей клятвы. И клятвы моего сына. Однако вижу я, что не хорошо относятся к чужакам в здешних местах. Что ж, я снимаю обвинение с Хельги сына Торбранда. А дальше судите, как знаете.

И суд присудил, что за нарушение мира заплатит Торгиль сын Торвинда виру в четверть марки серебра Хельги сыну Торбранда и четверть марки Харальду Тордсону, чьему дому и было нанесено оскорбление. Однако Харальд Тордсон от своей части виры отказался, сказав, что возвращает ее, чтобы лучше закрепить мир.

Кабан, проходя мимо Хельги, швырнул к его ногам кошель и тут же с сыновьями ушёл к кораблям. И еще до наступления темноты корабль Кабана отчалил.

– Дорого обойдутся тебе эти четверть марки серебра, – сказал тогда Торбранд Хельги.

Еще два дня, пока шел тинг, Торбранд с сыновьями оставались в усадьбе Харальда Тордсона. И Бьёрн каждый день разговаривал с Сигрун и брал ее за руку. По всему было видно, что придется Торбранду стовариваться о свадьбе с Оддом Одноногим. Ведь хотя и прослыл он жадным, но понимал, что против такой девушки, как Сигрун, даже приданое в пять коров выглядит жалким.

А Хельги купил на серебро Кабана серьги саксонской работы и подарил их Ингрид за то, что она врачевала его рану. Ингрид, увидев подарок, рассмеялась и сказала:

– Хотя и не довелось Торгилю ко мне посвататься, а помнить его я буду долго, пока ты не подаришь мне серьги получше. Но знай, память об этой ярмарке осталась и у Поросят. Многие бы сказали, что тебе не следует теперь даже по нужде выходить без доброго ножа. И кажется мне, что еще придется тебе сразиться с Торгилом на мечях.

Хельги, однако, из всего, что она сказала, услышал только одно. Он покраснел и переспросил:

– Ослышался ли я, что будешь ты ждать меня и будешь рада моим подаркам? Вышла бы ты за меня замуж?

– Рано нам еще говорить про свадьбу. Да ведь и ты пока не стал настоящим скальдом. А отец не выдаст меня за того, у кого в поясе нет серебра, чтобы купить хорошую усадьбу. – Ингрид говорила с насмешкой, но потом стала серьезной. – В этом году рано мне замуж. И в следующем тоже будет рано, но потом я выйду за того, кто покажет себя богатым и удачливым. И я, возможно, буду рада, если этим человеком будешь ты.

– Скальды сидят в Валхалле¹⁶ по правую руку самого Одина. Я добуду и серебра, и золота. Только жди меня.

– Не хвастай лучше сейчас, предо мной, а покажи на деле, так ли ты хочешь стать моим мужем. Какими бы хорошими ни были твои висы, бывает, что умелый удар меча стоит гораздо больше. – И с этими словами она ушла.

А Хельги пошел искать брата и, встретив того, долго добивался совета в своем деле. Но Бьёрн сказал, что не знает, что можно ему посоветовать. И обещал, что будет учить его биться на мечях, хотя и не особо верит в толк от того. Но пообещал привезти серебра и на долю Хельги,

¹⁶ *Валхалла* – в скандинавской мифологии палаты верховного бога Одина, где тот пирует с воинами, павшими в бою (эйнхериями). В Валхаллу с поля боя их приносят валькирии (девы-воительницы, служащие Одину). Они же разносят пиво пирующим. Едят воины мясо вепря Сехримнира, которого каждый день забивают, а на вечер он воскресает. Воины бьются друг с другом, но те, кто из них был убит, снова воскресают и садятся пировать.

вернувшись из первого похода. Только Хельги такое обещание не сильно порадовало, и долго еще он пытался придумать, как ему показать Ингрид, что не последний он человек в их краях.

На дворе у Торвинда Кабана из Хиллестада жил человек, которого звали Туранд. Роста он был небольшого, с черными вьющимися волосами и длинным носом. Но хотя статью он не вышел, мало кто отваживался вызвать его на поединок, ибо искусен и быстр был он с мечом. Однако знали его не за ратную доблесть, а известен он был как самый хитрый и изворотливый человек во всей округе, под стать самому Локи. Когда Торвинд Кабан, обиженный судом, велел поднимать парус, Туранд остался на ярмарке, чтобы довершить торговые дела. Старался он, однако, не попадаться на глаза ни Торбранду, ни Харальду Тордсону, а тем же вечером поджидал дочерей Одда у колодца, где в то время собиралась вся молодежь с ярмарки. Когда вышла Ингрид, он попросил ее отойти с ним в сторону и сказал:

– Ты ведь знаешь меня, я человек Торвинда из Хиллестада. Но послал меня не он, а сын его, Торгиль.

– Не знаю, что надобно Торгилю от меня, но надеюсь, он оставил мысли о сватовстве? – спросила Ингрид. – Не думаю я, что сможет он теперь найти жену в нашей округе.

– Не знаю я, что заставляет тебя так относиться к бедному Торгилю, но мне он сказал, что по нраву ты ему, как и прежде. Однако понимает он, что сейчас твои мысли заняты другим. И ведомо ему, кто этот другой, – продолжал Туранд. – А ты знаешь, что в семье Торвинда не принято отказываться от своего без боя. Но, как я сказал, ты нравишься Торгилю, и ради тебя готов он на время отказаться от мести Хельги сыну Торбранда, однако при одном условии...

– Никогда не слышала о том, чтобы люди из Хиллестада отказались бы от мести без виры в две марки серебра, – не поверила Ингрид.

– Теперь не удивляюсь я, что ты понравилась Торгилю. В уме тебе не откажешь. Но Торгиль не думает отказываться от мести. Он просто может ее отложить на один год. Ведь за год ты можешь и забыть про Хельги. Или он забудет про тебя, хотя забыть такую девушку сложно, – заглядывая ей в глаза, сказал Туранд.

Ингрид отвернулась, чтобы скрыть румянец.

– И что же хочет Торгиль за то, что на год забудет о мести, несмотря на то, что каждый раз, глядя в свое отражение в воде, он будет вспоминать эту ярмарку?

– В этом-то и дело. Хочет он, чтоб у него перед глазами всегда было бы что-то, что напоминало бы о его клятве. Например, твой платок. Думаешь, платок – это большая цена за то, что на время твой Хельги останется в покое?

– Я тебе не верю, Туранд, ибо вся округа знает цену твоему змеиному языку, – с вызовом сказала Ингрид. – Я тебе не верю. Скажи мне, зачем тебе мой платок?

– Я вижу, твой ум далеко превосходит все, что я раньше о тебе слышал, – сдался Туранд. – Хорошо, я расскажу тебе о настоящей причине, а ты сама решай, как тебе поступить. Ты знаешь, какой народ живет у нас в Хиллестаде. Если Торгиль вернется с ожогом во все лицо, то его засмеют и заставят мстить немедленно. Сам он не хочет этого делать, так как не много чести ему убить мальчишку, который и постоять за себя не может. А вернее всего, струсит и будет пытаться бежать. Но если вернется Торгиль с твоим платком и скажет, что ты ждешь его сватов в следующем году, то тогда сможет он вернуться сюда следующей осенью без позора, вызвать на бой Хельги и убить его, приобретя почет. Поразмысли также и о себе. Если Торгиль отмстит сейчас, ни ты, ни твой отец не пожелаете его видеть. А что станет через год? Кто знает?

Туранд запахнул плащ, показывая, что собирается уходить.

– Так сделаешь ли ты так, чтобы Торгиль отложил свою месть на год, или?..

– Возьми платок, Туранд, – просто сказала Ингрид, снимая ткань с плеч.

– Ты решила правильно. Я буду молчать о нашем уговоре, – сказал Туранд, оглядываясь, чтобы убедиться, что на них никто не смотрит. – Молчи и ты!

– Не хотелось бы мне, чтобы кто-нибудь узнал, что я купила для Хельги год отсрочки поединка. Сейчас он точно погибнет, и ты прав, может быть, не с честью, а с позором. Пусть пройдет год. Если боги захотят, через год он победит. А пока пусть Торгиль возвращается в Хиллестада.

– Ты затмеваешь норн своим разумом, о дева. Я начинаю завидовать Торгилю. Или Хельги. Или им обоим.

И, засмеявшись, Туранд ушел в сторону берега, где его ждала лодка, нагруженная мешками с сушеной треской.

Этот вечер был последним перед отъездом, и Хельги вместе с Бьёрном собирали поклажу, чтобы отнести ее в лодку и с рассветом отплыть домой.

– Как ты думаешь, придут ли они с нами проститься? – спросил Хельги брата.

– Не надейся увидеть Ингрид этим вечером. Никакой отец не отпустит свою дочь одну прощаться с человеком, с которым она еще не обручена. Сам вспомни, что случилось с Гунхильд, дочерью Хальвдана с Теллена. Ее украли прямо с причала. И даже два брата не смогли ее защитить, так обуяла страсть Торгиля Певца. И что же случилось потом? Одному из братьев Гунхильд в сваре на пристани выбили глаз, и он не захотел брать виру и добился поединка. Торгиль зарубил его без особого труда, но Гунхильд решила отомстить за брата и как-то ночью проверила горло Торгиля на прочность булавкой в добрых пять дюймов.

– Нет, – продолжил Бьёрн, – Ингрид не жди. А вот Сигрун может прийти, ведь мы теперь обручены. И если я ее украду, то это будет позор для меня, потому как все решат, что у меня нет серебра на вено.

С мрачным лицом Хельги взвалил мешок на плечо и понес его к лодкам. Он уже был у берега, когда к нему подошел Туранд:

– Ты знаешь меня? – спросил он Хельги.

– Я видел тебя с Торвиндом из Хиллестада, – ответил Хельги. – Но что ты делаешь здесь? Ведь Торвинд уже отправился восвояси.

– У одного из сыновей Торвинда здесь осталось незавершенное дело. А это – вопрос чести. – Туранд говорил тихо, так, чтобы никто их не мог подслушать. – А другой вопрос – кому свататься к Ингрид? Я говорил с ней сегодня. Ты ей нравишься, но она сомневается, что ты смог бы защитить ее, будь ты ее мужем. А Торгиль сын Торвинда ей не нравится, но она знает, что он стал бы ей хорошим защитником, а у отца его много земли и кораблей.

Хельги стоял как вкопанный, и лицо его начинало краснеть.

– И как же ты предлагаешь разрешить сомнения Ингрид? – спросил он.

– Все наши сомнения может разрешить только поединок. – Туранд перешел на шепот. – Если ты победишь Торгиля, ты докажешь всем, чего ты стоишь, и Одд отдаст за тебя Ингрид. Если нет... Торгиль все равно найдет тебя. Рано или поздно. Трусом зовут того, кто бежит от опасности. Не лучше ли решить все сейчас раз и навсегда. Так думает и Ингрид.

– Я тебе не верю, – запинаясь, сказал Хельги.

– Ты можешь мне не верить. Но вот ее платок, что дала она мне в залог того, что знает о вызове, что прислал тебе Торгиль. – С этими словами Туранд сунул платок в руку Хельги. – Сразу после захода солнца приходи к ясеню правосудия. Там и решится, кого в брачную ночь разует Ингрид. И не говори никому о поединке, иначе кто-то может назвать тебя трусом. И не забудь меч. Он тебе пригодится.

И Туранд пошел к своей лодке. И довольно скоро его лодка отчалила. А Хельги, бледный как смерть, стоял и смотрел на море.

Своего меча у Хельги не было, и он осторожно взял меч Бьёрна, пока тот разговаривал с Сигрун, пришедшей попрощаться уже на самом закате. Он спрятал меч под плащ, чтобы его не было заметно, и подошел к Бьёрну с Сигрун. Девушке он протянул платок ее сестры и сказал:

– Передай Ингрид этот платок и на словах скажи ей, что я по-другому думал, но что трусов в нашем роду никогда не было.

И, сказав так, он повернулся и пошел в сторону ясеня правосудия. И когда Бьёрн окликнул его и спросил, что значат эти слова и куда он идет, то Хельги ответил, что Ингрид должна сама догадаться. А он сейчас идет прогуляться и вернется вскоре после заката.

Когда Хельги пришел к ясеню, солнце уже закатилось за горы и было совсем темно. Но рядом горел костер, невидимый с берега, так что Хельги ясно увидел Торгиля, что уже ждал его, сидя у огня. Повязка по-прежнему закрывала его лицо, и видны были только глаза. При приближении Хельги Торгиль встал и, вытащив из костра несколько головешек, разбросал их вокруг.

– Это будут границы нашего поля для поединка вместо ивовых прутьев, – сказал он. – Но ты всегда можешь попытаться сбежать в темноту, коли испугаешься. Мне будет приятно заколоть тебя в спину, как труса.

– Будь уверен, что, как бы ни повернули боги мою судьбу, моей спины ты не увидишь, – ответил Хельги и скинул плащ, взяв меч в правую руку. – И пусть Ингрид это знает тоже.

– Я расскажу ей, как ты умер, на свадебном пиру, – Торгиль также взял меч. – Когда разговаривают мечи, те, кто силен только словами, недорого стоят.

– Это мы сейчас и проверим, – ответил Хельги.

Они встали друг напротив друга. И Хельги напал первым. Но Торгиль легко отразил его удары и сам пошел вперед. Хельги защищался как мог, однако видно было, что из них двоих не он лучше владеет мечом. После первых десяти отраженных ударов Хельги почувствовал, что дышать становится труднее, а правая рука наливается тяжестью. Торгиль теснил его к краю освещенной костром и головнями площадки. По нему было видать, что остается он совсем свежим и полным сил.

– На мечах ты слабее, чем на словах, – сказал Торгиль. – Ты еще можешь попытаться убежать.

Хельги ничего не ответил. Он снова напал на Торгиля, тот отбил его меч и сам сделал выпад. Хельги увернулся, но отступил еще на шаг. Торгиля такое сопротивление только раззадорило. Он остановился и сказал:

– Ты можешь молить меня сохранить тебе жизнь. Если ты встанешь на колени, то так и быть – ты будешь жить. Но я отрублю тебе уши... Хочешь ли ты жить?

Хельги стоял, опираясь на меч, пытаясь отдышаться, но этого оскорбления он не выдержал:

– Не свинье с ее корытом... – начал он повторять свой нид.

Торгиль не дал ему произнести и вторую строку. С резким криком он так стремительно кинулся на Хельги, что тот понял, что не успеет отбить занесенный над его головой меч. Он попятился назад, все еще пытаясь поднять свой клинок, тут его левая нога зацепилась за головню, и он упал на спину. Торгиль, видя, что Хельги летит на землю, замахнулся сильнее и сделал еще один шаг вперед, чтобы добить врага, но споткнулся о его ноги. Он повалился на Хельги и, падая, наткнулся на острие меча, которым тот взмахнул, закрываясь от удара сверху. Лезвие пропороло Торгилю живот и вышло из спины. Он захрипел, и у него ртом пошла кровь, струйкой падая прямо на лицо Хельги. А потом Торгиль умер.

Хельги с трудом сдвинул с себя мертвое тело и поднялся. Затем он вытащил клинок из раны. Он оглянулся, но никого вокруг не заметил. Дрожа, он подхватил свой меч и, шатаясь, пошел в сторону берега.

Едва Хельги пропал из виду, из ближайших кустов вышел Туранд. Он оглянулся и тихо сказал сам себе:

– Видать, не было счастья Торгилю в этих краях. И достойна удивления удача этого мальчишки, Хельги. Однако почета за эту схватку ему не достанется. А Гутторм все равно удачливее многих, и недолго Торгилю оставаться неотомщенным.

С этими словами Туранд оттащил тело Торгиля к костру, забрал его меч, оставив только нож на поясе, и спрятал все следы поединка, что нашел.

Хельги, спотыкаясь и останавливаясь, не прошел и половины пути, когда на него наткнулся Бьёрн:

– Я вижу, прогулка у тебя удалась, – сказал Бьёрн, видя кровь на лице и одежде Хельги. Он обнял его за плечи, когда Хельги начал падать на колени. – Вот зачем ты взял мой меч. С кем ты дрался, неужели с Торгилем? Ты ранен? Он тебя отпустил? Почему ты мне ничего не сказал?

Хельги покачал головой:

– Туранд сказал никому не говорить. Торгиль мертв. Я убил его в поединке. Это не моя кровь...

– То, что ты говоришь, похоже на сказку. Как ты мог убить такого бойца, как Торгиль? – не поверил ему Бьёрн.

– Не веришь, сходи к ясеню правосудия. Он лежит там. Он сам напоролся на мой меч, потому моей заслуги в том нет.

– Ты должен объявить об убийстве. Нам надо идти к усадьбе. Но почему ты согласился на поединок? Ведь без свидетелей он был вне закона! – Бьёрн поднял Хельги и повел к усадьбе.

– Ингрид захотела узнать, не трус ли я. Теперь она будет думать, что нет. Но я видеть ее больше не хочу. Если бы не случайность, Торгиль бы победил, а я бы кормил воронов.

– Будь я на твоём месте, не стал бы я оговаривать Ингрид. Ты ей по нраву. В том, что сказал ты, не слишком много разумного, – снова не поверил ему Бьёрн.

Хельги вырвался из его рук.

– Не веришь, иди к ясеню, – крикнул он и, уже не спотыкаясь, быстро пошел к усадьбе.

Однако не прошел он и ста шагов, как со стороны усадьбы показались люди с факелами. И во главе их шел сам Харальд Тордсон. Подойдя, он спросил Бьёрна:

– Что вы тут делаете? Почему он в крови? Зачем ему меч?

Бьёрн ответил:

– Мой брат Хельги только что убил Торгиля сына Торвинда из Хиллестада в честном поединке. И он хочет заявить об этом.

Харальд посмотрел на них обоих:

– Ты сам видел этот поединок?

– Нет, они дрались один на один, – ответил Бьёрн.

Харальд подозвал двоих из своих людей.

– Не спускайте с них глаз, – приказал он, показав на Бьёрна и Хельги. – К нам только что прибежал Туранд и сказал, что незадолго до заката он оставил Торгиля спящим у костра у ясеня правосудия. А вернувшись, увидел, что тот заколот. Заколот спящим!

Хельги отшатнулся.

– Это был честный бой. Он сам вызвал меня и передал вызов через Туранда. Торгиль умер с мечом в руках, – крикнул он.

– Мы пойдем к ясеню и там во всем разберемся, – спокойно сказал Харальд. – А пока не спускайте с них глаз. И не спускайте глаз с Туранда также.

Когда все они подошли к ясеню, то Хельги побледнел. Он увидел Торгиля, который лежал у костра, и рядом с его головой вместо подушки лежала его сума. Меча рядом с ним не было, а нож был за поясом.

– Это ты называешь честным поединком?! – грозно спросил Харальд Тордсон.

– Я бился с ним на мечах, и, если бы не случай, он убил бы меня, – оправдывался Хельги.

– Это подходящий случай – найти своего врага спящим, но люди, про которых мы говорим, что у них есть честь, таким случаем не воспользуются. – Харальд смотрел на Хельги с презрением.

В это время сквозь толпу протиснулся Торбранд.

– Если все так, как ты говоришь, Харальд, то я сам выгоню своего сына из дома, – сказал он. – Но там, где слышно имя Туранда, не всему, что видишь, можно верить.

– Как Торгиль оказался здесь? Ведь он уплыл с Торвиндом Кабаном, – продолжил Торбранд.

– Туранд сказал, что ждал он здесь тайной встречи. Пусть приведут Туранда, – приказал Харальд.

Подвели Туранда, и тот рассказал, что Торгиль здесь был тайно от отца, ибо в деле была замешана женщина. И он не знает, что теперь скажет Кабану, раз его любимый сын лежит мертвый. Но сейчас, когда он увидел убийцу, он понял, как все вышло. И что теперь винит он себя в смерти Торгиля, которого он любил как сына. Ведь он нес Торгилю платок от любящей его девушки. Но платок этот потерял он по пути. И, видать, Хельги сын Торбранда подобрал его. И потому как, по всему видно, Хельги также та девушка по нраву, то ревность заставила его выследить Туранда найти, кому был подарен платок, дожидаться, когда Торгиль заснет, и зарубить его.

Хельги бросился на Туранда, но его удержали двое дюжих работников из усадьбы.

– А что скажешь ты, Бьёрн? – спросил Торбранд. – Что ты делал все это время? Не пытайся защитить брата. В нашем роду мужчины не лгут, особенно когда заходит речь о нашей чести.

Бьёрн рассказал, что видел он, как Хельги пошел в сторону леса перед самым заходом солнца, но что все время до этого с братом они не разлучались и тот никого не выслеживал. Он рассказал, что, попрощавшись с Сигрун, вернулся он к лодке, но не нашел своего меча. И потому отправился на розыски Хельги. И встретил его уже после захода солнца с окровавленным мечом.

– А почему подумал ты на Хельги, что это он взял меч? – спросил Харальд.

Бьёрн посмотрел сначала на Хельги, потом на отца.

– А на кого еще мне думать? Не отец же взял его...

Хельги посмотрел в глаза Бьёрну и сказал уже твердым голосом:

– Спасибо, Бьёрн, но мне нечего скрывать. Туранд встретил меня у пристани незадолго до захода солнца. Он дал мне платок как залог того, что девушка сама хочет нашего с Торгилем поединка. Мы, сыновья Торбранда, не бежим от боя. Потому, не спросясь, взял я у брата меч и пошел к ясеню правосудия. Платок я дал Бьёрну, чтобы отдал он его обратно девушке, какая бы судьба меня ни ждала. А не сказал я никому ничего, потому как Туранд просил хранить все в тайне.

Тут опять в разговор вступил Туранд:

– Если кто слышит тут слова о поединке, то пусть знает он, что все это наглая ложь. Хватит не слишком пристального взгляда, чтобы понять, что приемный сын мой был убит во сне.

Харальд Тордсон покачал головой:

– Сдается мне, без женщин тут не обойтись. Пусть приведут дочерей Одда Одноногого, так как думаю я, это из-за них мы уже который день не можем прожить спокойно, – велел он.

Тут из толпы вышли Ингрид и Сигрун. Их отец стоял за их спиной. И Ингрид рассказала, что и правда дала платок Туранду для Торгиля. При этих ее словах Хельги опять стал белым как полотно.

– Но этот платок был нужен только как залог того, что Торгиль уедет к себе. Ни о каком поединке мы и не говорили вовсе, – продолжила она.

– Теперь, я думаю, все могут увидеть, что произошло на самом деле, – уверенно произнес Туранд, и все посмотрели на Хельги.

– Но, как говорят в наших краях, – продолжила Ингрид, – волка узнаешь по волчьим ушам. Не верю я словам Туранда Змеинового Языка. Не мог Хельги убить Торгиля во сне. Пусть сам расскажет он, как проходил поединок. И если позволишь ты, Харальд Тордсон, то пусть все люди отойдут на десять шагов, чтобы не затоптать те следы, что еще остаются.

Все с удивлением посмотрели на Ингрид. И многие тогда сказали своим соседям в толпе, что Одду повезло с дочерьми так, как не везет и иному конунгу. И редко где встретишь такое сочетание красы и мудрости. И, видать, их настоящим отцом был сам Один, во время своих прогулок по Мидгарду посещавший Асу, жену Одда, когда тот отлучался из дома.

Тогда Харальд приказал всем отойти на десять шагов, и вперед вышел Гуннар Следопыт, охотник, известный на всю округу. Двое слуг светили ему факелами. И Харальд приказал Хельги рассказывать, как было дело.

– Торгиль огородил поле для поединка горящими головешками. Ивовые прутья, как завешено у нас, мы бы могли не увидеть в такой тьме, – начал Хельги. – Головешки лежали там, там и вон там.

Гуннар обошел те места, которые ему указал Хельги.

– Там действительно лежали головешки, но не могу я сказать, была ли между ними схватка, ведь трава могла быть примята, когда мы все здесь стояли, – подтвердил Гуннар.

– Мы бились, и он наступал, а я отходил. Потом наступил на вон ту головешку на южной стороне поля и упал, – продолжил Хельги. – И Торгиль налетел на меня, споткнулся и сам напоролся на мой меч.

– Трава примята больше, чем в других местах. – Гуннар начал рассказывать о том, что видел. – Если ты упал, а он на тебя, как он держал меч? – спросил он у Хельги.

– Его клинок был занесен над его головой. Потому, падая, он не успел отбить мой меч.

– Значит, лезвие его меча должно было где-то удариться о землю, – сказал Гуннар, встал на место, куда показывал Хельги, и поднял руки, как бы замахиваясь. – Удар должен был прийтись вон туда, – и он показал на место в полутора шагах от примятой травы.

– И вот вижу я небольшой разрез в дерне и еще небольшую выбоину там, где должна была удариться о землю рукоять. – Гуннар говорил так, чтобы слышали все. Бонды не спускали с него глаз.

– И здесь вижу я капли крови, что, видно, пошла у него ртом. Когда ты скинул его с себя, ты сдвинул его влево? – снова спросил Гуннар Хельги.

И сам же ответил:

– Да, ты скинул влево, но здесь следы крови затерты, хотя и не до конца. Кажется, что Торгиля кто-то волок к костру? Это делал ты? – Хельги, отрицая, помахал головой.

– Тогда посмотрим на Торгиля. – Гуннар подошел к телу Торгиля, перевернул его на бок и, присев на корточки, начал говорить: – Лезвие прошло его насквозь, я вижу рану на спине. На земле под ним много крови, но нигде не вижу я следа от лезвия меча, которое должно было бы глубоко войти в землю.

Гуннар Следопыт встал и подошел к Харальду Тордсону:

– Следы говорят, что Торгиль был убит у южного края поля для поединка, потом его перетащили к костру. Когда его убили, у него в руках был меч.

Харальд посмотрел на Хельги, затем на Туранда, затем на всех собравшихся людей.

– Пусть тот, кто верит словам Туранда, что стоит здесь, поднимет руку, – сказал Харальд. Ни одна рука не поднялась.

– Пусть тот, кто верит словам Хельги сына Торбранда, который также стоит здесь, поднимет руку.

Все свободные мужчины на поляне, кроме Туранда и Хельги, подняли вверх правую руку.

– Ночь – не время для суда. Суд будет утром. Я обвиняю Хельги сына Торбранда в нарушении мира и поединке без свидетелей, – громким голосом прокричал Харальд. – Я обвиняю Туранда, чьего отца я не знаю, в клевете. И если завтра перед судом он не расскажет нам всю правду, то он же будет обвинен и в лжесвидетельстве. Потому отведите Туранда в усадьбу и заприте его в дровяном сарае! – приказал он слугам.

– Хельги сын Торбранда сохранит свободу. Однако должен он поклясться не отходить от усадьбы более чем на двести шагов до суда, который состоится завтра в полдень.

И все поддержали дружными криками то, как рассудил Харальд Тордсон. И говорили, что великая удача им иметь законоговорителя, который не перебирает по полдня старые законы, выискивая тот, что подойдет, а сам творит суд по справедливости.

– Наш тинг начался с суда над Хельги и закончится судом над ним же. Не припомню еще такого в нашей округе, – сказал затем Харальд Тордсон. – Лучше бы ты еще один год оставался дома, Хельги сын Торбранда. И все мы могли бы спокойно пить пиво и спать по ночам.

И Торбранд с Бьёрном увели за собой Хельги, все время оглядывающегося на Ингрид, которую уже уводил с собой отец. Однако Хельги успел заметить ее взгляд и понял, что завтра суждено им снова увидеться.

И когда они уже были у самой усадьбы, Хельги увидел, что на него смотрит Туранд, стоящий в окружении слуг Харальда. Тот подмигнул ему и крикнул:

– Она перехитрила даже меня! Здорово у нее получается выбирать себе женихов. Ты очень удачлив, но платок-то она дала Торгилю.

– Ты все расскажешь в полдень на тинге, – крикнул в ответ Бьёрн, а Торбранд толкнул Хельги, чтобы тот не останавливался.

Утром поднялась суматоха, когда слуги Харальда Тордсона увидели, что ночью Туранд через прохуdivшуюся крышу выбрался из дровяного сарая, где его держали, и сбежал. Кто-то видел лодку, что на рассвете проплывала мимо. Потому в полдень на тинге Туранда объявили вне закона, а за Хельги не нашли вины, ведь двенадцать свободных мужчин поручились, что верят его словам о том, что на поединок он был вызван обманом. И уронил бы свою честь, когда бы от него отказался.

После тинга к Торбранду подошел Гудбранд Белый, человек ярла Хакона:

– Я вижу, люди в вашей округе немало делают, чтобы хранить мир. Это хорошо, когда все мы богатеем и обнажаем мечи только за морем. И ярлу от этого только прибыль.

– Лучше нет, чем жить с соседями в мире и решать все дела по справедливости. А те, кому по душе звон мечей, всегда могут отправиться в землю англов или фризов, – ответил ему Торбранд.

– Однако есть люди, которым не по душе такой порядок, те, кто хочет, чтобы снова на нашей земле лилась кровь и горели усадьбы. И сдается мне, что один из таких людей был здесь совсем недавно.

– Мое дело растить хлеб и ловить рыбу, а в дела ярлов и конунгов мне вникать не с руки, – ответил Торбранд. – Однако ведомо мне, о ком говоришь ты.

– Боюсь, Торбранд сын Торира, с этих дней поселилась в ваших краях кровная вражда с человеком Олафа Трюгвасона. И Туранд сбежал до суда, так что неведомо мне, какой конец будет у этого рассказа, когда дойдет он до Торвинда Кабана из Хиллестада.

– Правда то, что говоришь ты, и печалит это меня. Но какой же совет в таком деле может дать человек ярла Хакона?

– Ярл Хакон знает, кто на его стороне, и не бросает таких в беде. Как ты думаешь, будет ли грозить твоей усадьбе беда этой зимой, если твой сын Хельги отправится со мной в Хладир, где о его судьбе позаботится ярл Эйрик сын Хакона?

– Скажу я, что это будет великий почет и для Хельги, и для всей нашей семьи, если один из моих сыновей поступит в дружину Эйрика Хаконарсона. Но почему ты выбрал Хельги, а не Бьёрна? Уж если кто из них двоих и может стать славным воином, так это не Хельги.

– Может, Хельги и не станет великим воином, – ответил Гудбранд, – но в удаче ему не откажешь. А удача – это то, что в скором времени может понадобится ярлу Хакону и его сыну Эйрику. Не так много осталось у ярла сыновей, чтобы снова обрушить град на своих врагов, как при Хьёрунгаваге¹⁷. Здесь и небольшая удача пригодится.

– Я слышал, не последним ты был при Хьёрунгаваге? – спросил Торбранд.

– Да, я был на кораблях Эйрика, сына Хакона. И я видел, как Бу Толстый сначала бился, как берсерк, а потом нырнул в море вместе со своим золотом. Эйрик покрыл себя в том бою славой. И с тех пор я с ним и с его отцом.

– Слышал я, что Хакон ярл с годами становится все меньше охочим до битв и все больше – до женщин? – задал еще один вопрос Торбранд.

Гудбранд поморщился:

– Не мне судить ярла, но я тоже слышал что-то подобное. Однако в дружине Эйрика обычаи строгие, как у йомсвикингов. Не беспокойся, твой сын будет упражняться с мечом, а не с тем, что висит у него между ног.

Тут оба залились хохотом, так как шутка вышла достойная того, чтобы повторить ее на пиру промеж мужами. И, пожав руки, скрепили свой уговор.

Торбранд вернулся к Бьёрну и Хельги и рассказал, о чем сговорились они с Гудбрандом Белым. Хельги не поверил своим ушам, а Бьёрн очень огорчился.

– Отец, но Хельги не воин. Как он будет служить ярлу Эйрику в его дружине? – спросил он.

– Долго тебе еще предстоит ездить на тинг и слушать речи умных людей, – ответил ему Торбранд, – пока ты разучишься верить тому, что слышишь, и начнешь понимать смысл, что скрыт промеж словами.

– Хельги надобно покинуть наши края, чтобы не навлечь гнев Торвинда Кабана на весь наш род, – продолжил он. – Ярлу Хакону сейчас нужна верность бондов. Хельги станет заложником того, что род наш останется ему верен. А с нами и вся округа, потому как люди поддерживают нас, а не Кабана, что стоит за Олафа сына Трюггви. Потому, – тут он обернулся к Хельги, – собирайся на корабль Гудбранда Белого из Опланда. Он отплывает через час, чтобы успеть до заката выйти из Аурландфьорда.

Затем Торбранд отдал Хельги свой меч и сказал:

– Этот меч мне принесли много лет назад с вестью, что отец мой и два брата пали, защищая короля Хакона Доброго. И с тех пор он ни разу не был в битве. Хотел бы я, чтобы и тебе биться им не привелось. Но мой отец говорил, что ежели этот меч выпьет крови, то тот, кто его держит, покроет себя славой. И люди, что принесли мне его, сказали, что отец перед смертью сразил пять или шесть данов, пока ему не проткнули живот копьем.

¹⁷ Град при Хьёрунгаваге – по легенде, ярл Хакон во время битвы принес в жертву богам одного из своих сыновей, и боги наслали на врагов ярла град, помешавший тем биться. Впоследствии один из предводителей йомсвикингов, ярл Сигвальди, говорил, что это магический град заставил его повернуть корабли назад.

Хельги взял меч, но помыслы его были заняты другим. И едва отец отпустил его, он пошел на торг посмотреть, не появится ли там Ингрид. И он увидел ее за разговором с сестрой, остановился, чтобы принять равнодушный вид, и только потом подошел. Сигрун сразу же ушла, сказав, что вспомнила о каком-то деле.

– Хочу поблагодарить тебя, Ингрид, за помощь этой ночью, – произнес Хельги холодно. – Сегодня я отправляюсь с Гудбрандом Белым и буду служить в дружине ярла Эйрика, сына Хакона. И было бы невежливо не сказать тебе спасибо перед отплытием.

– Приятно, когда тебя благодарят, – в тон ему ответила Ингрид. Но еще приятней, когда это делают от чистого сердца.

Хельги покраснел, но продолжил:

– Стоит ли говорить о чистом сердце тому, кто хитрее самого Локи? Кто для того, чтобы прославиться, устраивает поединки среди ухажеров?

В этот раз покраснела Ингрид.

– Хельги, если бы я была такой, как ты говоришь, я бы развернулась и ушла. А ты все равно помнил бы меня и хотел бы взять в жены. Но гордость бы тебе мешала, – взяв его за руку, сказала она. – Но я – не такая. Я отдала платок Туранду, чтобы он уговорил Торгиля уехать. Но Туранд обвел вокруг пальца всех: и меня, и тебя. Верь мне! Я же поклялась, что буду ждать только тебя?

– Но ты еще сказала, что надобно мне доказать, что умею я обращаться с мечом...

– И не отказываюсь от своих слов. Моим мужем может стать только человек, что защитит свою семью и добро. Но, Хельги, я не хотела этого поединка. Я верю в тебя, я верю, что станешь ты воином и заслужишь славу. Но ведомо мне, что не одна зима пройдет, пока это случится. Я буду ждать. Возвращайся! – и с этими словами она поцеловала его в щеку и пошла прочь.

А Хельги, ошеломленный, только крикнул ей вслед:

– Я вернусь. Обещаю! И я клянусь, что найду Туранда и убью его. И не будет мне без этого покоя.

Ингрид не обернулась.

Сага о том, как Хельги сын Торбранда отправился в Трондхейм, чтобы стать дружинником ярла Эйрика

Жил в Опланде, в середине земли норвежской, человек, которого звали Гудбранд Белый. Был он не последним среди людей в своей округе, имел большую усадьбу, много земли и работников. Женат он был трижды и от первой жены имел сына Гудмунда и дочь Гудрун, от второй – сына Кетиля, а от третьей – дочь Хельгу и сына Гутторма.

С юных лет Гудбранд воевал на стороне ярла Хакона: и в битвах с Рагнфрёдом¹⁸, и потом, когда ярл Хакон пришел на помощь Харальду Синезубому Датскому в войне с конунгом саксов.

Но еще с тех пор, когда впервые увидел он, как на корабле Торлейфа Мудрого к Хакону прибыл его сын, молодой Эйрик, понял он, что Эйрик Хаконарсон затмит славу своего отца. И не промедлил Гудбранд стать ближним человеком молодого ярла и не один раз в битве закрывал его от стрел своим щитом.

Каждую осень по обычаю, заведенному ярлом Хаконем, по всей земле норвежской отправлялись дружинники для сбора подати серебром, мехами и снедью, причитающейся ярлу. И хотя для бондов кое-где было внове платить подать кому бы то ни было, однако железная рука, которой Хакон правил уже более двадцати пяти лет, примирила их с новым обычаем, и согласились они делиться с ярлом своим добром.

В тот год Гудбранд собирал подать для ярла в Согне, и залив Аурланд был предпоследним местом на его пути перед возвращением в Трондхейм к Хакону и Эйрику. Ходил он на кнарре с девятью парами весел и командой в три дюжины человек. Корабль был ходкий и с высокими бортами, чтобы выдержать шторм в открытом море, но также и с большим трюмом. Чтобы вместить много снеди, был он намного шире, чем боевые драккары, и уступал им в скорости.

Как только Хельги сын Торбранда поднялся на борт, ему показали весло, которым ближайšie несколько недель ему предстояло грести, раз в три дня меняясь с кем-нибудь из воинов. Всем на корабле заправлял кормщик, которого звали Рагнар Лысый. Был он высокого роста, широк в плечах и с большим брюхом. И была у него окладистая черная борода, а кроме нее волос на голове у него не было. Рагнар решал, когда и кого заменить на веслах, и Хельги сразу дали понять, что самому просить о подмене не принято, если не хочешь, чтобы тебя считали слабаком.

Отчалили они сразу, как только на борт были подняты последние бочонки с соленой рыбой и просмоленные мешки с зерном, потому как Рагнар хотел как можно скорее выйти из Согна – им предстоял еще путь до Трондхейма, а вода делалась все холоднее. В глубине фьорда под утро она уже покрывалась тонкой коркой льда. К тому же, оказавшись в море и повернув на север, они могли бы наконец поставить парус – ветер уже несколько дней подряд дул с запада.

Хельги сидел на предпоследней от носа скамье по левому борту. Его соседом сзади был человек лет двадцати пяти, которого звали Аслак. Был он худым, и волосы его были цвета пакли, а глаза белесые, как у рыбы. И скоро стало ясно, что Аслаку Хельги не понравился, потому как не раз и не два, когда Хельги мешкал со своим веслом, ему в спину больно ударяла рукоять весла Аслака. На слова Хельги о том, что он не нуждается в таком поучении, Аслак ответил, что когда у них в руках не будет весел, то он еще не так его поучит. И что он не любит юнцов, которые не умеют грести, но уже ходят с длинными мечами, как у настоящих мужчин. И это бы закончилось дракой, если бы Кетиль, сидевший перед Хельги по правому борту, не вступил в спор:

¹⁸ Рагнфрёд – один из сыновей Эйрика I Кровавая Секира, претендовавший на трон Норвегии.

– Что-то ты больно грозен сегодня, Аслак, – сказал он, – сдается мне, что ты не бережешь дыхание. Слышал я, что таким худым людям, как ты, в холодную погоду следует меньше разговаривать, а то можно застудить грудь.

Аслак ничего не ответил, а все на корабле, кто слышал совет Кетилья, рассмеялись. Кетиль подмигнул Хельги и сказал:

– Вижу я, что не ходил ты на больших кораблях и не пробовал обращаться с таким длинным веслом. Но если ты не хочешь, чтобы твоя спина посинела от ударов рукояти сзади, то постарайся смотреть на меня и двигать веслом в одно время со мной.

Хельги поблагодарил его за науку, но сказал, что он не так глуп, чтобы не сообразить, как надо грести. Просто ему не хватает веса, чтобы, вынув весло из воды, быстро отвести его назад. На это Кетиль дал ему несколько советов, как передвинуть весло в уключине так, чтобы уравновесить вес лопасти, и как поспоровистей взяться за рукоятку и валец. После этого гребля у Хельги пошла лучше, и он даже начал гордиться собой. Но потом час проходил за часом, а никто не собирался его подменять. Тогда он стиснул зубы и сказал себе, что лучше он прямо на весле и умрет, но сам не попросит себе замену.

И так он греб еще час, и только когда один или два раза весло вырвалось у него из рук, Рагнар кивнул какому-то парню лет восемнадцати, и тот, пробравшись к Хельги с носа, заменил его. Аслак, видя это, пробормотал, что от Хельги не много на корабле пользы, но ему никто не ответил. А Кетиль снова подмигнул Хельги, сказав, что на первый раз это было совсем неплохо.

На закате они причалили к берегу, и Рагнар велел Хельги развести на берегу костер и набрать воды в котел. Только потом Хельги смог перемолвиться несколькими словами с Кетилем, который из всей команды показался ему наиболее дружелюбным. На вид Кетиль был моложе многих на корабле, но Хельги чувствовал, что его здесь уважают, несмотря на то, что он работает как простой гребец, хотя и на самом почетном загребном весле. Был он высокого роста, широк в плечах, и у него были коротко стриженные светлые волосы и голубые глаза. Борода его была короче, чем у многих, по иноземному обычаю, и видно было, что немалых трудов стоит ему сохранять ее в таком виде. Когда они уселись вокруг костра, Кетиль познакомил его с остальными людьми на корабле, и о каждом он говорил несколько слов:

– Вот Гуннар Молчун, – показал он на невысокого крепкого воина, глаз которого было не видно из-под кустистых черных бровей. – Я готов поспорить с тобой на вечернюю кружку пива, что ты не сможешь вытянуть из него больше пяти слов зараз.

Гуннар кивнул и ничего не сказал.

– Вот Харальд Заяц, – Кетиль указал на длинноногого худого воина, на вид лет тридцати пяти, который сидел на весле на одной скамье с Аслаком, – попробуй догони его, особенно когда он бежит за выпивкой.

– Это – Асгрим Сакс, – показал Кетиль на крепко сбитого седого воина с длинными усами. – Он жил среди них три года, отрастил усы и даже говорит на их языке. Асгрим, как попросить у сакса его деньги?

Асгрим молча достал меч и приставил острие к горлу Кетилья. Лево́й рукой он указал на кошель, который висел у того на поясе.

– Тут уж никто не сможет сказать, что не понял, правда? – спросил Кетиль Хельги, отводя рукой лезвие. – Скоро и ты так выучишься. Аслака ты знаешь, – продолжил он. – Мы зовем его Финн, но тебе лучше звать его просто Аслаком, если не хочешь, чтобы он тебя ударил. Иногда он варит себе отвар из мухоморов, как финский колдун. Но не становится от этого берсерком, а просто засыпает на много часов и потом рассказывает, где он бродил во сне. Тогда его лучше не тревожить.

– Меня вообще лучше не тревожить, парень, если не хочешь, чтобы тебе посчитали ребра, – проронил Аслак и сплюнул в сторону.

И так Кетиль назвал имена всех, кроме Гудбранда и Рагнара. И не раз все сидевшие за костром смеялись над тем, что он говорил, рассказывая о ком-то. И когда он закончил, Гудбранд указал на него самого и сказал:

– А вот это Кетиль Болтливый, мой сын. И каждый раз, когда я его слышу, я молю Одина, чтобы он превратил болтовню моего сына в ветер, который бы наполнял наши паруса. И тогда у меня был бы самый быстроходный корабль в наших краях. И я смог бы добраться до Исландии за один день, а до...

– А за два дня с такой скоростью ты проплыл бы весь океан и свалился бы уже с ветвей Мирового дерева, Иггдрасиля, и попал бы в Хель, мир мертвых, – продолжил Кетиль, и все опять рассмеялись.

– А теперь твой черед рассказать о себе, – спросил Заяц. – Кто ты, из какого рода и как попал к нам? Мы недолго были на берегу в твоих краях и не знаем всех подробностей. Слышали лишь о тайном поединке. Однако ты не выглядишь, как бывалый поединщик.

На это Хельги ответил висой:

*Торбранда сын на север стремится,
К Эйрику ярлу в дружину боец,
Кровь на мече не дает возвратиться,
За сына до смерти мстить будет отец.*

И Заяц сказал, что он не уверен насчет бойца – это покажет только битва, а еще одним скальдом в палатах Эйрика будет больше. И все с ним согласились в том, что виса недурна, хотя, конечно, уступает тому, что можно услышать при дворе ярла Хакона от одного из его шести скальдов.

Потом Хельги коротко рассказал, что с ним случилось, не упомянув о том, что только по случаю остался в живых. А Гудбранд, который, верно, знал всю правду, промолчал.

Тут в разговор вступил Рагнар Лысый:

– Если то, что ты нам сказал, – правда, то завтра тебе лучше не сходить на берег, потому что последнюю остановку в Согне мы сделаем в Хиллестаде.

К полудню следующего дня корабль Гудбранда Белого уже подходил к Хиллестаду – усадьбе на полуострове, что отделял фьорд от открытого моря. И Хельги просил Гудбранда узнать, есть ли в усадьбе Туранд, но тот ответил, что, пока Хельги вместе со всеми в походе за данью, о личной вражде ему стоит забыть. Однако скоро случилось так, что и Гудбранду, и всем остальным на корабле пришлось забыть о самой дани.

Едва подошли они к берегу, Гудбранд, Асгрим Сакс и еще один молодой воин по имени Калле высадились на берег. И сильно удивились они, когда ворота усадьбы остались закрытыми и их никто не встретил. Тогда подошли они к самой усадьбе, но ворота по-прежнему не открывались, и навстречу никто не вышел.

Они постучали раз и другой, и Асгрим уже стал довольно громко ворчать, что в наказание за такое негостеприимство стоило бы кинуть на крышу дома пару факелов. Тогда над воротами показались голова и плечи женщины, и Гудбранд узнал жену Харальда Кабана.

– Вам бы, разбойникам ярла Хакона, только пограбить да пожечь, да насиловать кого, – сказала она. – И странно слышать о гостеприимстве от того, кто готов сжечь твой двор.

– Где твой муж, Тора дочь Сигурда? – спокойно спросил Гудбранд. – Ярл ждет от него дани, и ждать он не любит.

– Муж мой отправился позавчера в Трондхейм и взял с собой всех своих людей. Видать, сам решил поспорить с ярлом Хаконем о дани. А никакой снеди, мехов или серебра давать тебе не велел.

– Раз твой муж знал, что мы придем, но отплыл, нас не дожидаясь, не обидится он, что мы сами возьмем все, что нам причитается, – все еще спокойно сказал Гудбранд.

– Особенно если твой муж забрал всех своих людей, – добавил Асгрим.

– Муж мой сказал, что вам, конечно, привычнее воевать с женщинами, но если вы хотите успеть увидеть, как Олаф сын Трюгтви насадит вашего ярла на копье, то вам лучше притвориться настоящими воинами и поспешить в Трондхейм. Сам Олаф с кораблями отправился туда позавчера, но и вы можете поспеть к битве, если не будете жалеть сил на веслах.

– Повтори, что ты сказала, женщина, – с угрозой в голосе спросил Гудбранд.

– Если ты глухой, то я повторю: Олаф Трюгтвасон с дружиной был здесь позавчера по пути в Трондхейм. С ним ушел мой муж. Если ты не хочешь пропустить последнюю битву ярла Хакона, то поспеши туда и сам.

– Сколько кораблей было у Олафа?

– Я корабли не считала, но в наших краях достаточно людей, не слишком довольных Законом Злым, чтобы Олаф привел в Трондхейм и двадцать, и тридцать кораблей.

– Помнится, викингам с Йомсборга и семидесяти кораблей не хватило, чтобы напугать ярла Хакона, – заметил Асгрим. Но Гудбранд сказал:

– Мы не будем поджигать твой дом, Тора дочь Сигурда. Но когда мы вернемся сюда, то и двойной дани нам покажется мало.

– Об этом договаривайтесь с моим мужем, когда он и его люди с топорами заберутся на ваш корабль, – ответила Тора и скрылась с глаз за оградой.

– Коли бы вы меня подсадили, я мог бы перебраться через ограду, – тихо предложил Асгрим. – Я бы слегка пощекотал Кабаниху кончиком меча за ее малое уважение к ярлу и к нам.

На это Гудбранд ответил, что у них нет на это времени, хотя лично он вырвал бы ей змеиный язык. И все троем они поспешили к берегу.

На корабле Гудбранд рассказал, что Олаф сын Трюгтви явился в Норвегию со своей дружиной и что плывет он в Трондхейм, чтобы бросить вызов ярлу Хакону. И теперь им придется спешить и плыть даже по ночам, чтобы нагнать Олафа и присоединиться к дружине Эйрика Хаконарсона перед битвой, которая, без сомнений, скоро случится.

И они гребли три часа до выхода из фьорда, а потом поставили парус и двинулись сначала на север, а потом на северо-восток вдоль берега. На берег они не высаживались и плыли даже ночью, пользуясь тем, что светила луна. Но на третью ночь погода испортилась, и им все-таки пришлось пристать, чтобы в темноте не сесть на мель или не налететь на скалу.

Пока разжигали костер, чтобы поесть наконец горячего, Кетиль попросил у отца разрешения сходить к ближайшему жилью и узнать, нет ли каких вестей. Гудбранд отпустил его, но велел быть осторожным, чтобы не наткнуться на людей Олафа.

Кетиль вернулся через несколько часов и сначала, не отвечая на вопросы остальных, подошел к отцу, и они тихо говорили несколько минут. Потом Гудбранд вышел к костру, вокруг которого сидели все остальные, и сказал:

– Битвы не будет. Ярл Хакон мертв. Но погиб он не в бою. Пал он жертвой предательства и собственной похоти. И теперь бонды провозгласили королем Олафа сына Трюгтви. Ярл Эйрик с немногими людьми ушел горами к конунгу свеев в Упсалу. И пришло время нам решить, что теперь делать...

Люди начали переговариваться, и видно было, что они растеряны. И тут спросил Асгрим Сакс:

– Но что же стало с ярлом Законом? Неужто он помер, только услышав о кораблях Олафа Трюгтвасона? Раньше он был более охочим до битвы и своего никому без платы железом или кровью не отдавал.

– Нет, не сам он помер. А просто привык он брать без спросу все, чего ни пожелает. Даже если это касалось дочерей богатых бондов. И бонды объявили его вне закона, – ответил за отца Кетиль.

– В это я могу поверить, но не пойму я все-таки, отчего он умер. Неужто девушка, которую он обесчестил, заколола его? – снова спросил Асгрим.

– Нет, Асгрим, все гораздо печальнее, чем то, что ты сейчас представил. И, возможно, ярлу такая смерть понравилась бы больше, – ответил Гудбранд. – Но правда в том, что скрылся он вместе со своим рабом, когда бонды провозгласили Олафа королем. И Олаф объявил, что даст десять марок серебра тому, кто укажет ему, где прячется Хакон. И подлый раб убил ярла, когда тот спал. А голову принес Олафу.

– И неужто Олаф дал ему серебро? – в третий раз спросил Асгрим.

– Нет, – снова ответил Гудбранд, – серебра он ему не дал, ведь просил он не голову. Он просил указать ему, где прячется Хакон. Так что раб отправился вслед за хозяином и теперь снова будет служить ему в Хель, куда оба они, без сомнения, попадут.

Тут все снова стали переговариваться, обсуждая позорную и нелепую смерть того, кто в своем железном кулаке двадцать пять лет держал всю страну.

– Не скажу я, что сильно жалею я о Хаконе ярле, – сказал Аслак Финн, – но скажи, Гудбранд, как теперь честь велит поступить нам.

Гудбранд обвел долгим взглядом всех воинов:

– У нас есть три пути. Первый – это вернуться по домам, потому как того, кому мы служили, больше нет в Норвегии. И кто-то, возможно, захочет поступить в дружину к Олафу Трюгтвасону. Второй путь – это отправиться в Упсалу вслед за Эйриком, что теперь стал ярлом Норвегии. И третий путь – это присоединиться к какому-нибудь морскому конунгу в Англии или Ирландии и ждать, пока ярл Эйрик вздумает вернуться.

Тут начались споры, ибо никто не хотел надолго расставаться с семьями, которые у многих оставались в Опланде. С другой стороны, сам Гудбранд сказал, что его судьба – идти за ярлом Эйриком, какие бы беды это ни сулило. Он был связан клятвой с ним, а не с Хаконем, и, пока Эйрик был жив, клятва звала его быть с ним. Третий путь был предложен исходя из времени года. На корабле во время осенних бурь плыть к свейам было небезопасно. К тому же неясно было, какой уговор у Олафа существовал с королем данов Свейном Вилобородым, с которым вместе были они в походе в Англии. А корабли Свейна, по слухам, снова появились в Дании после того, как несколько лет назад их оттуда изгнал конунг свеев Эйрик, прозванный Победоносным за победу над Стюрбьёрном. Переход же через горы в конце осени также был испытанием, из которого многие могли не вернуться, случись ранняя метель. Потому зимовка в Англии могла показаться наиболее удобным выходом для всех.

Тут раздался голос Рагнара Лысого:

– У меня тоже в Опланде остаются жена и дети. И я тоже хочу их видеть. Однако если я вернусь сейчас домой, то у Олафа появится соблазн отобрать мою усадьбу и отдать ее кому-то из своих людей. Все знают, что я служил Хакону и что не пойду я служить другому конунгу, даже если он будет так же знаменит, как Олаф сын Трюгтви. А в покое выращивать хлеб и варить пиво меня не оставят. Да и что я умею лучше, чем водить корабль? Не знаю, как вы, а слышал я, что Олаф хорош во главе войска. Но не терпит он, когда с ним спорят. Даже наш старый ярл Хакон был более покладистым. Лучше уж отправиться к ярлу Эйрику. Он вознаграждает нас за верность, а весной мы с новым войском вернемся, чтобы по-другому поговорить с сыном Трюгтви. А семьи наши до весны никто не тронет, если о нас никаких вестей не будет.

И большинство согласилось с Рагнаром. Из недовольных остались только несколько человек без семей, которых ничто не держало в этих местах и которые охотно отправились бы грабить Англию. Но и им не по душе пришлось бы расстаться с Гудбрандом и с товарищами.

Итак, наутро решено было плыть на юг и там ждать тумана, чтобы пройти датские проливы под носом у данов.

Однако наутро опустился туман, который не рассеялся, сколько они ни ждали. Потому плыть им пришлось медленно, то и дело бросая в воду грузило на веревке, чтобы проверить глубину. Плыли они почти в полной тишине, прислушиваясь к далекому прибою, чтобы не слишком приближаться к берегу, где они могли бы налететь на скалу.

Тут Хельги стало казаться, что он слышит эхо от ударов их весел. Потом он услышал справа от себя скрип уключин и тронул плечо Кетиля. Тот знаком показал ему, что тоже что-то слышал, и так же знаком велел молчать.

Рагнар повернул кормовое весло, и они направились в сторону берега, стараясь грести как можно тише. Но, видать, на другом корабле их слышали, потому как из тумана послышались приказы кормщика, и весла на том корабле застучали чаще. Тогда Рагнар приказал сушить весла, и их кнапп погрузился в тишину.

Сначала было слышно, как неизвестный корабль прошел мимо недалеко от них. Затем он начал возвращаться к ним сквозь туман. Рагнар хотел снова приказать грести, но Гудбранд остановил его. Вместо этого он указал на шесть человек, по трое с каждого борта, которые должны были оставаться на веслах. А остальным знаками велел готовиться к бою. Хельги остался сидеть на скамье, а Кетиля подменил на весле Арни, молодой парень чуть старше Хельги. Стараясь не шуметь, воины вынули свои весла из уключин и уложили их вдоль бортов. Потом стали надевать кольчуги и снимать щиты с фальшборта.

Однако, как ни старались они, совсем не шуметь не удалось: звякали мечи, тихо звенели звенья кольчуг. В тумане звуки разносились далеко. Стало ясно, что на неизвестном корабле их слышат, когда голос кормщика велел навалиться на весла. Звуки ударов весел стали более частыми, а потом на кнаппе услышали, что на том корабле тоже готовятся к бою. Гудбранд с десятью воинами прошел на нос. Кетиль был рядом с ним. Еще полдюжины воинов остались на корме, а остальные встали вдоль бортов. Только шестеро, считая и Хельги, оставались на веслах.

Наконец на расстоянии броска копья из тумана показался драккар. На его носу стояло с дюжину людей. Главный из них был одет в красный плащ и посеребренный шлем, который сиял даже в таком тумане. Он отдал приказ, и весла на его корабле начали табанить – видно, и ему хотелось сначала вызнать, с кем они имеют дело.

– Кто вы такие, – крикнули с неизвестного корабля, – и куда направляетесь?

– Мы не привыкли называть себя первому встречному, – крикнул в ответ Асгрим Сакс. – Назовитесь сами, коли хотите узнать наши имена!

– Людям конунга Норвегии дозволено спрашивать что угодно и у кого угодно, если так приказал конунг, – крикнули с неизвестного корабля.

Тут уже в ответ крикнул Гудбранд:

– Мы не слыхали о конунге Норвегии. Ты – человек Свейна Вилобородого¹⁹?

– Мы люди Олафа Трюггвасона, нового конунга Норвегии. А вы кто? – снова крикнули с того корабля.

– Не ваше дело, – ответил Гудбранд. – Мы не знаем такого конунга и не собираемся называть свои имена таким, как вы.

– Тогда готовьтесь к бою. Конунг Олаф не велел нам пропускать на юг ни один корабль без его позволения, – крикнул вождь в серебряном шлеме.

¹⁹ Свейн Харальдсон Вилобородый (960-е–1014) – король Дании, Норвегии и Англии. Сын и наследник Харальда I Синезубого, короля Дании и Норвегии.

– Если хочешь отведасть наших мечей, иди к нам! – Гудбранд погрозил своим клинком. – Мне нравится твой шлем, я бы примерил его. А если он мне не подойдет, то все равно будет служить в тумане лучше, чем солнечный камень²⁰.

– Чтобы найти дорогу в Хель, тебе солнечный камень не понадобится, – крикнули в ответ. – Мы позаботимся о том, чтобы ты нашел дорогу туда и нигде не заблудился.

Хельги слушал эту перебранку, но, сидя спиной, не видел, что за корабль бросает им вызов. Арни на несколько мгновений привстал и потом сообщил всем гребцам:

– Их корабль, хоть и драккар, но ненамного больше нашего, да и людей там не так уж много. Вряд ли станут они всерьез биться с нами, ведь людей у нас вдвое больше того, сколько обычно бывает на таком кнарре, как наш. Придется пройти мимо них и кинуть несколько копий, чтобы они отстали.

Хельги облегченно вздохнул, потому как боялся, что им придется сражаться с сотней разъяренных воинов, что взойдут к ним на борт. Арни опять встал, чтобы увидеть, что происходит. Все остальные тоже смотрели на Гудбранда, чтобы не пропустить его слова или знака. В это время Хельги услышал плеск весел по своему левому борту. Из тумана показался нос еще одного драккара, который тихо подкрался к ним во время перебранки. Тут же Хельги увидел, как какой-то высокий воин готовится метнуть копьё в Гудбранда.

Коротко вскрикнув, Хельги сорвал свой щит с фальшборта и поднял его, заслоняя тех, кто стоял на носу. Брошенное копьё пробило щит с такой силой, что Хельги повалился на палубу. Гудбранд обернулся, прижал щит и руку Хельги к палубе ногой, вырвал копьё и метнул его обратно. Все увидели, как на носу вражеского корабля высокий воин упал, не успев укрыться за щитами своих людей.

– Сдается мне, не ошибся я насчет твоей удачи, Хельги сын Торбранда, – сказал Гудбранд. – Но теперь тебе ее понадобится еще больше.

Он отдал приказ, и Рагнар повернул корабль вправо, собираясь обойти встречный драккар мористее и поставить его между ними и новым противником.

Кетиль помог Хельги подняться и, убедившись в том, что тот не ранен, указал ему на его место на весле. Хельги схватился за весло и начал грести, стараясь скрыть дрожь. Асgrim сказал ему:

– Мы думали, что не много будет с тебя проку, но мы ошиблись. Если бы ты был постарше, кое-кто сказал бы, что из тебя выйдет толк.

– Посмотрим, доведется ли мне стать постарше на службе у ярла Эйрика, – ответил Хельги, стараясь, чтобы его дрожь не была заметна.

На встречном корабле разгадали их намерение и тоже повернули. Второй корабль теперь оказался за кормой. Он пока не двигался, потому как люди там были заняты раной своего вождя.

– Рагнар, посчитай их весла, – приказал Гудбранд, показав на первый драккар, что был у них теперь впереди по левому борту.

И Рагнар переложил кормовое весло и повел их корабль ближе к драккару.

– Левый борт! Сушить весла! – велел он, когда кнарр шел уже достаточно быстро.

Хельги и остальные гребцы с его борта высоко подняли свои весла, в то время как не все их противники успели это сделать. Корабли проходили вплотную друг к другу, и под бортом их кнарра несколько вражеских весел хрустнуло. А своим веслом Хельги сшиб кого-то на том корабле. С обеих сторон полетели копьё, а с драккара кинули и крючья. Кетиль отбил летящее копьё прямо над головой Хельги. Несколько крючьев впились в борт кнарра, но канаты, что были к ним привязаны, сразу же обрубили ударами топоров. Так они прошли вдоль борта драккара, который замедлил ход, потеряв нескольких гребцов и пару весел.

²⁰ *Солнечный камень* – согласно легендам, камень, позволяющий в условиях тумана находить стороны света.

На кнарре был только один раненый – Арни, которому брошенное копье задело ногу. На драккаре слышно было, как кричат раненые, а кто-то обещает отомстить за смерть брата.

– На весла! – велел Гудбранд.

И на скамьи уселись все восемнадцать человек. Теперь они, гребя что есть сил, пытались снова уйти в туман и подальше отойти от драккаров. И при этом не налететь на мель или скалу.

Однако люди Олафа быстро опомнились. Первый корабль сначала замешкался, пока там меняли сломанные весла, но теперь нагонял. Второй шел от него в броске копья.

– Кнарру не уйти от боевых кораблей. Теперь, видать, будут они заходить с двух бортов сразу, – крикнул Гудбранд. – Гребите что есть сил! Калле, держи свой щит рядом с Рагнар! Нам нужен кормщик, если мы хотим дойти до Зунда²¹.

– Значит, если мы дойдем туда, я тебе уже не понадобится?! – крикнул Рагнар. – Тогда не забудь отдать мне причитающееся серебро, а то меня уже перестают бесплатно любить женщины.

– Твою лысую голову может бесплатно полюбить только слепая, вроде твоей жены. Хотя и она, наверное, ждет не дождется, когда ты сгинешь в море, чтобы снова выйти замуж, – был ответ Гудбранда.

– Уж не за тебя ли? – крикнул Рагнар. – То-то ты так хочешь моей смерти, что доверяешь защищать меня самому неумелому. Себ-то выбрал в телохранители самого Хельги Могучего! – И он подмигнул Хельги.

В это время оба вражеских драккара поравнялись с ними с обоих бортов и начали сближаться. Рагнар отдал приказ табанить, гребцы, привстав, уперлись в весла, и кнарр резко потерял ход. Корабли Олафа, начав быстро сходитьсь, едва успели отвернуть друг от друга.

На драккарах снова возникло замешательство, пока гребцы веслами отталкивали корабли друг от друга. И в это время Рагнар направил свой корабль вдоль левого борта левого драккара. Снова кнарр прошел рядом с вражеским бортом, и снова несколько весел хрустнуло у людей Олафа. Кетиль кинул копье во вражеского кормщика, и тот упал, раненый или убитый. После этого Рагнар повернул на юг.

Теперь у них не осталось копий, и им пришлось собрать копья людей Олафа, застрявшие в их щитах и в досках палубы.

Рагнар крикнул:

– Появился ветер, он скоро разгонит туман. Поднимайте парус! Посмотрим, кто быстрее теперь.

И они шли уже и на веслах, и под парусом, однако ветер дул с запада, время от времени смещаясь к югу, и кнарр с его широкими бортами в скорости прибавил не слишком много. Так что драккары, более узкие и с двумя десятками гребцов каждый, нагоняли.

Туман почти рассеялся, когда Калле крикнул:

– Еще один парус за кормой!

Оттуда к ним мог идти только еще один враг. Стало заметно, что и на драккарах тоже заметили парус. Оттуда раздались радостные крики. Теперь они снова подходили к кораблю Гудбранда с двух сторон, но один из них держался чуть позади, а второй чуть впереди, чтобы Рагнар не вздумал снова обвести их вокруг пальца. И в этот раз они не спешили, а медленно сближались, не давая вырваться из их тисков.

– Спустить парус, – приказал Гудбранд. – Пора проверить, правду ли говорят, что люди Олафа так искусны в битвах. Или они так же хорошо сражаются на земле, как управляются с кораблями.

– На веслах можно никого не оставлять, – снова раздался голос Гудбранда. – Теперь у нас каждый воин на счету.

²¹ Зунд – пролив Эресунн между Скандинавским полуостровом и островом Зеландия.

– Если мы отобьем их первый натиск, – сказал Кетиль Хельги, – то, возможно, они больше не полезут. А может, и полезут. Но в любом случае стоит попробовать.

– Смотри, не наложи в штаны, крошка Хельги. Сейчас мы увидим, чего ты стоишь, – прошептал ему сзади Аслак.

Так Хельги снова взял свой пробитый щит и вытащил из ножен меч. Они стояли вдоль бортов, готовясь отбиваться, с какой бы стороны на них ни напали. Но люди Олафа теперь не спешили и были настороже. В этот раз они не стали кидать крючья, потому как увидели, что на кнарре убрали весла и ему от них не уйти. Вместо этого их гребцы подняли свои весла и положили их концами на борт кнарра. Тут же, прыгая по веслам, как по мосткам, несколько воинов с криками кинулись на людей Гудбранда.

Их встретили удары мечей и топоров. Борта у всех трех кораблей были примерно одинаковой высоты, у кнарра даже немного повыше, потому как строили его для открытого моря. Потому людям Олафа было не слишком легко оказаться на борту кнарра, особенно когда их встречал строй щитов.

Хельги после обидных слов Аслака набрался смелости и сквозь зубы поклялся умереть под топорами, но не отступить назад. Как во сне, он принял удар какого-то бородатого воина на щит и, согнувшись, ударил его мечом по ногам. Тот поскользнулся и упал за борт.

Тогда с драккаров все-таки кинули крючья, и в этот раз никто не пытался их обрубить, ведь схватка на кнарре становилась все жарче. Все три корабля подтянули бортами друг к другу, и люди Олафа начали с разбега, ударяя щитами в щиты, перепрыгивать на чужой борт. Какой-то воин в шлеме, закрывающем пол-лица, прыгнул прямо на Хельги, и они вдвоем повалились на палубу. Хельги выронил меч и зажмурился, но сейчас же снова открыл глаза и увидел, как Кетиль, почти не глядя, перехватил меч лезвием вниз и ударил воина, что навалился на Хельги, в бедро. Тот застонал, Хельги толкнул его с себя и, подобрав свой меч, вернулся в строй. Кетиль кивнул ему и сказал:

– Не теряй свой меч, я не всегда буду стоять рядом. И держи нож под рукой. Тогда тебе не придется ждать, что кто-то снимет с тебя твоего врага.

Хельги кивнул и поправил шлем.

Новых врагов на палубе кнарра становилось все больше, и строй вдоль бортов скоро рассыпался. Теперь схватка продолжалась на носу и на корме. Хельги получил скользящий удар меча по шлему и был ранен в руку, но изо всех сил защищал правый бок Кетилия, который сражался за них обоих. Хельги же только принимал удары на щит и пытался достать кого-нибудь из врагов отцовским мечом.

Люди Олафа потеряли немало воинов, и постепенно их натиск стих. Однако и со стороны Гудбранда была дюжина убитых, а почти все остальные были ранены. Сражаться могли только восемь человек во главе с самим Гудбрандом на носу и шесть человек на корме. Топор Рагнара уложил не меньше пяти врагов, но теперь и он был ранен в ногу и руку.

Воины стояли в нескольких шагах друг от друга и пытались отдышаться. Ни у Гудбранда, ни у Рагнара сил, чтобы напасть и очистить свой корабль от врагов, уже не было. А люди Олафа, было видно, ждали свой третий корабль, чтобы начать последний приступ. Человек в серебряном шлеме стоял на палубе своего корабля и отдавал приказания.

– Назови себя, о смелый воин, прячущийся за чужими спинами, – крикнул ему Гудбранд. Тот обернулся к нему:

– Не думаю, что рад ты будешь услышать мое имя, но знай, что тебя победил Черный Ульф. И будь уверен, что окажись ты знатным человеком, а не простым морским разбойником, я бы бился с тобой сам.

– По-твоему, имя Гудбранда Белого недостаточно знатно?! – крикнул ему Кетиль.

– Наш конунг сам решит, что с тобой сделать, и если он прикажет, я убью тебя. Но кем бы ты ни был, думаю, недолго тебе бороздить моря, – ответил Черный Ульф.

Хельги посмотрел на приближающийся третий драккар и сначала даже не смог сосчитать все весла вдоль его бортов.

– Это корабль Олафа? – спросил он у Кетилия.

– Да, Олаф выбирает для себя самые длинные корабли, – ответил тот. – У этого – тридцать пар весел, и вряд ли кто-то из купцов смог бы уйти от него, встретиться они в море. Видать, скоро мы увидим самого Олафа Трюггвасона, если эти трусы не решатся напасть на нас раньше.

Но было видно, что пыл нападавших иссяк. Они явно ждали подкрепления, чтобы не терять слишком много людей.

– Что ж, – сказал Гудбранд, – если мы и умрем, то с честью. Олаф не будет прятаться за спинами своих людей.

– Да, непохоже, чтобы мой первый поход оказался удачным, – грустно сказал Хельги.

– Мой тебе совет, – ответил Кетиль, – когда начнется новая схватка, ныряй за борт. До берега не так далеко. Если не замерзнешь и тебя не заметят, то сможешь выбраться.

– Да, – сказал Гудбранд. – Несправедливо будет тебе отправляться в Валхаллу вместе с нами. Ты не успел даже дать клятву ярлу Эйрику. Ты можешь уйти, в том не будет урона твоей чести.

Хельги собирался что-то ответить, но тут посмотрел на Аслака. У того кровь текла из-под шлема, и был он ранен в левое плечо.

– Да, крошка Хельги, ты можешь сбежать, – сказал он.

– Не много будет славы в том, чтобы на меня охотились, как на лосося. Лучше проверим, была ли у меня удача, – помолчав, сказал Хельги.

– Не стоит слушать Аслака, – ответил Кетиль, – не сказал бы я, что он желает тебе добра.

– Аслак не тот человек, к чьим словам стал бы я прислушиваться, даже если бы у него открылся дар провидения, – ответил Хельги. – Просто я боюсь, что слишком разгорячился, размахивая мечом, и после холодной воды могу заболеть. Было бы обидно умереть в жалкой рыбацкой хибаре на соломе, так и не увидев Олафа Трюггвасона.

В то время корабль Олафа подошел к ним. С него к ним на палубу перебрались несколько человек. Один из них был такого высокого роста, что многие другие не доставали ему даже до плеча. В груди он был широк, точно медведь, и даже Гудбранд по сравнению с ним казался тощим. И все поняли, что это и есть конунг Олаф.

Олаф прошел между воинами. К нему подошел Черный Ульф и начал что-то объяснять. Но Олаф не слушал его:

– Я конунг Олаф Трюггвасон. А вы кто такие? – крикнул он. – И почему вы напали на моих людей?

– Меня зовут Гудбранд Белый, и это твои люди напали на нас первыми, – прозвучал ответ.

– Я слышал о тебе, Гудбранд Белый. Ты верно служил ярлу Хакону и его сыну Эйрику. А кому ты служишь теперь? – снова спросил Олаф.

– Я и мои люди давали клятву Эйрику, теперь он наш ярл. И, как я слышал, он еще жив.

– Да, он жив, но не скоро вернется он в родные места. Хакон Злой слишком многим стал не по нраву у нас. И Эйрик вместе с ним. И кому же ты будешь служить теперь?

– Я и мои люди давали клятву ярлу Эйрику. Как я слышал, он еще жив, – снова ответил Гудбранд.

Было видно, что слова Гудбранда не понравились Олафу. И он сказал так:

– Не прошло еще и пяти дней, как я стал конунгом, вернув то, что было мне положено по праву рождения. И не готов я щадить людей, что служат моим врагам. Но мой бог, Белый Христос, велит мне проявлять милосердие. И жалко было бы мне убить таких славных воинов, что в будущем могли бы послужить и мне. Потому предлагаю я вам выбор: либо вы все не доживете до конца этого часа, либо примете святое крещение, и я дарую вам жизнь. Но служить вы будете мне.

Предложение это не понравилось Черному Ульфу:

– Конунг, эти люди убили две дюжины твоих людей и ранили моего брата, предательски кинув копье, когда мы ничего не подозревали.

– Это правда? – спросил Олаф.

– Если это его брат стоял на носу этого корабля перед началом боя, – Гудбранд показал на левый из драккаров, – то был он ранен своим собственным копьем, – ответил Гудбранд. – Ему следовало бы быть посноровистее в обращении с оружием, а то немудрено и пораниться. По поводу остальных могу сказать, что слышал я, что в битвах люди, случается, погибают.

Многие рассмеялись, и было заметно, что слова Гудбранда понравились и Олафу:

– Вижу я, у тебя не только острый меч, но и острый язык. Но не слышал я, что ты сказал в ответ на мое предложение, – произнес конунг.

– Вижу я, что хороший выйдет из тебя конунг, – ответил Гудбранд, – ведь великодушные твои не знают пределов. Но я и мои люди давали клятву ярлу Эйрику. Как я слышал, он еще жив.

– Что ж, вижу, ты человек чести, – ответил Олаф. – Я сам убью тебя.

– Это будет великой честью, конунг, но позволь мне сначала размяться. – Гудбранд говорил спокойно, хотя видно было, что непросто ему было отвергнуть предложение Олафа. – Один из твоих людей обвинил меня в предательском ударе. Хотел бы я показать ему, как пристойно вести себя воину. И проверить, кто из нас больше похож на труса.

Черный Ульф выкрикнул какое-то ответное оскорбление, но Олаф сказал, что он может и подождать, и если Ульф лишит его сегодня хорошей схватки, то он не расстроится – не пристало конунгу каждый день обнажать меч. Тогда Гудбранд встал впереди своих людей, а навстречу ему вышел Ульф. Оба были без щитов, но в кольчугах и шлемах.

Для поединка воины расчистили место на носу, чтобы не мешали скамьи. И хотя люди Олафа не добрались до площадки на носу кнарра, вся палуба и здесь была залита кровью, что хлестала из ран убитых и раненых. Свободного места на носу было пять шагов. Ульф был совсем свежим, а у Гудбранда было уже несколько легких ран. К тому же Ульф был лет на десять моложе. Но видно было, что он не так уверен в победе, как можно было бы судить по его словам.

Гудбранд же не колебался. Одним прыжком он преодолел разделяющее их расстояние и начал наносить удары. Обоим было нелегко, потому как приходилось сохранять равновесие на скользкой от крови палубе. Все же Гудбранду удалось ударить Ульфа в лицо левой рукой. Тот отлетел на несколько шагов назад, на руки своих людей. Они подхватили его, и он удержался на ногах. Гудбранд в это время, нарочито повернувшись спиной, также отошел назад.

– Не знаю, чем ты славен, Черный Ульф, но в битве тебя не назвать ловким, – сказал он.

Ульф ничего не ответил. Он сделал два шага вперед и встал, широко расставив ноги, стараясь не поскользнуться. Меч он занес над правым плечом.

– Пора заканчивать разминку, Черный Ульф, твой конунг ждет, – сказал Гудбранд.

И с этими словами с короткого разбега кинулся на скользкую от крови палубу ногами вперед и проскользнул на спине между ногами Ульфа, так что тот не успел ударить. Меч Гудбранда вонзился Ульфу в пах, и тот согнулся. Тогда Гудбранд вскочил на ноги и одним ударом отрубил Ульфу голову. Потом он поднял упавший с головы Ульфа серебряный шлем и кинул его Кетилу:

– Я же говорил, что он будет служить нам вместо солнечного камня. – Гудбранд оперся на вонзенный в палубу меч.

В это время ближние люди стали упрашивать конунга пощадить Гудбранда и тех, кто с ним, говоря, что не много чести ему сражаться против раненого, который, тем не менее, способен на такой подвиг. Но конунг не сдавался. Тогда Гудбранд встал на одно колено и сказал, что не станет сражаться с самим Олафом Трюгвасоном и сразу признаёт себя побежденным. Тогда конунг сказал:

– Вижу, ты перехитрил меня, Гудбранд Белый. Теперь я не могу сражаться с тобой, а казнить тебя мне не позволяет честь. Но не думай, что конунгом может стать человек, который не найдет выхода из такого положения. Потому вот мое последнее слово тебе: ты и твои люди становятся христианами и после этого на пять лет отправляются в изгнание. И вы дадите мне клятву, что в эти пять лет ни один из вас не ступит на землю Норвегии. И раньше, чем минет пять лет, вы сможете вернуться только при двух условиях: или Эйрик умрет, или вы перестанете служить ему.

– А что будет через пять лет? – спросил Гудбранд.

– Если Эйрик не будет мне опасен в эти пять лет, то не будет опасен и после, – ответил Олаф. – Думаю, вы сами поймете, кому лучше служить.

– А что будет с нашими землями и семьями? – снова спросил Гудбранд.

– Ваши семьи останутся при своем добре. Никто их не тронет, пока вы храните клятву, – снова ответил Олаф.

Хельги не спускал глаз с Гудбранда.

– Что ж, конунг, ты благородный человек, и твое предложение справедливо. Мы принимаем его, – сказал Гудбранд.

Было слышно, как Хельги и еще несколько людей Гудбранда облегченно выдохнули. Всего их осталось в живых двадцать два человека.

И корабли пристали к берегу. И люди конунга вытесали из стволов нескольких сосен часовню в устье маленькой речушки. Священник, который был с конунгом, потребовал, чтобы Гудбранд и его люди зашли в воду и погрузились с головой. Сам он в это время распевал заклинания на непонятном языке и размахивал большим деревянным крестом, окованным серебром.

Гудбранд и его люди в это время утешали друг друга тем, что ярлу Хакону тоже пришлось креститься, когда его заставил Харальд Синезубый, король данов. Однако удачи ему после этого хватило еще лет на десять.

Потом священник осмотрел их раны и наложил повязки. Затем им отдали их корабль и напомнили, что пять лет им нельзя возвращаться в земли конунга Олафа Трюггвасона.

Грести из них могла лишь половина. И они медленно двинулись на юг под парусом. Когда корабли Олафа остались за горизонтом, Кетиль сказал:

– Велика удача у тебя, Хельги. Не знаю, суждено ли было нам спастись, если бы ты не был с нами.

На что Хельги ответил:

– Если чья удача и спасла нас, так это удача Гудбранда. Что касается меня, то я не назвал бы то, что случилось со мной, удачным. Еще месяц назад я мирно пас овец недалеко от отчей усадьбы. После того нашел я девушку, на которой хочу жениться, убил своего первого врага, у меня появились кровники. Затем поступил я на службу к ярлу, которого изгнали, меня несколько раз чуть не убили, потом меня крестили, и теперь я на пять лет в изгнании, потеряв всякую возможность жениться на девушке, что я выбрал. Ты бы на моем месте назвал это удачей?

На это Кетиль ответил:

– Зато теперь ты стал воином. И ярл Эйрик вознаградит тебя. А если ты сложишь песню о наших скитаниях, то он наградит тебя еще больше.

Тогда Хельги ответил висой:

*Несчастья, как лебеди крови,
Преследуют Торбранда сына
Долгие годы скитаться,*

Забывать о родне и любимой²².

На это Кетиль сказал, что вместе с даром слагать висы у Хельги должно улучшиться настроение. Хотя ему бы хотелось, чтобы висы Хельги были бы более веселыми.

Тогда Хельги спросил:

– Скажи, Кетиль, – спросил он, – почему Олаф отпустил нас, если мы отказались идти к нему на службу? Неужто он и вправду так благороден, как об этом говорят скальды?

– Не думаю я, что дело в благородстве, – ответил Кетиль. – Просто он захватил власть, не пролив крови, и хочет, чтобы люди запомнили это. К тому же Гудбранд сослужил ему службу, убив Черного Ульфа.

– Если я и понимаю, почему он хочет сохранить мир, то мне не понять, какая выгода была ему от смерти Ульфа.

– Черный Ульф был слабым хёвдингом. Он потерял вдвое больше людей, чем мы. И если бы не появился Олаф, неизвестно, как бы закончилось дело. Сам же он не участвовал в схватке. Однако просто отправить его восвояси Олаф не мог – Ульф привел к нему много людей с юга. Гудбранд вовремя понял, чем недоволен Олаф, и вызвал Ульфа на поединок. Однако важно было убить его так, чтобы люди потом рассказывали об этом. И чтобы Олаф не мог просто приказать добить нас.

– Скажи, Кетиль, – снова спросил Хельги, – ты что, как Один, принес себя в жертву богам, чтобы набраться всей этой премудрости?

– Многие народы впитывают такую премудрость с молоком матери. В их крови лисица уживается со змеей. Когда мой отец женился в третий раз, он отдал меня на воспитание своему брату Хёгни Путешественнику, когда тот отправился в Миклагард²³ к ромеям, чтобы служить в страже их конунга. И там я провел семь лет. Сначала слугой у воинов, потом воином. А потом я стал десятником. Но служить их конунгу, которого они называют базилевс, совсем непросто. Хотя я и стал богаче многих из тех, кто владеет большой усадьбой в наших краях. Ромеи в окружении базилевса постоянно враждуют между собой и спорят за награды и место около правителя. И воину с Севера там никогда не стать большим вождем. Потому я вернулся. У моего сводного брата Гудмунда уже есть свой корабль, и он сейчас в походе в земле франков. И я тоже хочу иметь свой. Но сначала мне надо прославиться дома, чтобы люди пошли ко мне в команду. А пока я – простой воин у своего отца.

Хельги задумался.

– Слышал я, что не в обычае у конунга Миклагарда держать среди стражей воинов иной с ним веры, – начал он...

– Да, мне уже доводилось креститься. Но я решил, что креститься второй раз не повредит. Тем более, когда об этом с мечом в руках просит сам Олаф Трюггвасон. От лишнего же крещения Белый Христос может только обрадоваться.

И весь путь до датских проливов Хельги расспрашивал Кетилия про Миклагард. И Кетиль рассказывал, как могуч базилевс, и как много у него золота, и какие высокие там дома и святилища Белого Христа. Еще он рассказывал про воинов разных народов, служивших у базилевса: армян, франков, печенегов, болгар, – и про то, как они ведут себя в бою, и в чем их сила, а в чем – слабость.

Датские проливы они собирались пройти вечером и ночью, когда корабли данов, сторожившие проход, возвращались к берегу. Из двадцати двух человек, которых отпустил Олаф, двое умерли, а биться могли только четырнадцать. Потому встреча с кораблем конунга Свейна могла обернуться для них либо смертью, либо рабством. Но Рагнар сказал, что в этих местах

²² *Лебедь крови* – иносказание (кенинг), обозначающее ворона.

²³ *Миклагард* – скандинавское название Константинополя.

он плавал больше раз, чем в его жизни было дней без ссор с женой, когда он бывал дома. И поэтому проведет их через проливы с завязанными глазами.

Гудбранд на это ответил, что вообще не знает о таких днях, потому есть у него сомнения в клятве Рагнара, но добавил, что другого выхода у них нет.

Потому, приблизившись к Зунду, повернули они к берегу и весь день прятались в маленьком заливе. А когда начало смеркаться, то обмотали весла ветошью, чтобы не плескались, и отчалили.

Хельги вместе с остальными всматривался в море, пытаясь предугадать, откуда придет опасность. Но никаких кораблей видно не было. Потому лица у всех начали светлеть, а Арни даже тихо затянул песню гребцов.

Внезапно, когда проходили они мимо острова в двух милях от места их стоянки, из-за него показались два боевых корабля с двумя десятками пар весел у каждого. Корабли эти шли быстро, и по всему было видать, что Гудбранду и его людям даже не стоит пытаться уйти от них, чтобы перед битвой не утомлять людей греблей. Потому он приказал повернуть корабль носом к преследователям, а дюжине людей – надеть шлемы, взять щиты и копья и стать на носу, чтобы казалось, будто у них на корабле полно воинов. Сам он надел серебряный шлем, что взял в бою у Черного Ульфа, и стал впереди.

Хельги и еще три человека остались сидеть на веслах, чтобы корабль мог немного поворачиваться. И Хельги сказал Арни, который снова сидел рядом с ним:

– Не лучшая судьба – попасть в плен к данам, чтобы они продали тебя на юг черным людям – маврам.

– Если не хочешь в плен, то крепче держи меч, – ответил тот. – Тогда можешь надеяться попасть в чертоги Одина. А если не сможешь уже держать меч, то бросайся за борт. Так ты не попадешь к Одину, но избежишь рабства.

Хельги сглотнул.

– А ты сам какой путь выбрал бы? – немного запинаясь, спросил он Арни.

– Ну, я выбрал бы путь, по которому корабли эти оказались бы кораблями ярла Эйрика, мы бы пристали к берегу, он обнял бы нас и велел открыть бочонок пива.

– Что же, хороший путь, я бы тоже прошел по нему, – ответил Хельги, слегка улыбнувшись.

Два преследующих корабля быстро сблизилась с ними. На носу того, что был чуть больше, стоял человек в синем плаще и в черном шлеме. Подойдя на полет стрелы, он крикнул:

– Я вижу сверкающий серебряный шлем, но не вижу здесь моего друга Черного Ульфа. Уж не случилось ли с ним чего?

Гудбранд ответил:

– Ты и вправду видишь шлем, который носил Ульф, но теперь по наследству он перешел мне.

Человек в синем плаще крикнул:

– Так ты родственник Черного Ульфа? Что-то я не слышал, чтобы у него в роду были люди, похожие на тебя. Меня зовут Аксель сын Гуннара. Назовись и ты!

– Меня зовут Гудбранд Белый из Опланда, я не родственник Черного Ульфа и взял этот шлем в бою.

– Так мой друг Черный Ульф уже сидит по правую руку от Одина и пьет пиво, что подносят девы-валькирии? – спросил Аксель. – Хотел бы я знать, как он умер?

В это время датские корабли уже подошли к кнарру Гудбранда и стали борт о борт.

– Ему отрубили голову, – ответил Гудбранд. – Он слишком близко наклонился к земле.

– Уж не ты ли это сделал? – спросил Аксель.

– Именно я, хотя не хотел я той битвы, – ответил Гудбранд.

Аксель смотрел на него и молчал. Так же молча стояли воины на кораблях данов, держа в руках щиты и копья. Кто-то медленно размахивал крюком на толстой веревке. Молча стояли и люди Гудбранда, а сам он опирался на большой боевой топор.

Наконец Аксель рассмеялся, а потом сказал:

– Что же. Я рад видеть человека, который достал эту змею, Ульфа. Он украл у меня половину добычи, когда мы вместе были в Англии. Мы доверили ему подсчет дани, что пришлось на нас, а потом сравнили то, что отдал нам, с тем, что раздал на своем корабле. Но сам он к тому времени был далеко вместе с Олафом Могучим. Хотел бы я, чтобы это мой меч срубил ему его гадючью голову – воровать у товарищей, которым дал клятву верности!

Аксель сказал так:

– Гудбранд Белый, местные рыбаки донесли нам, что в этих водах скрывается корабль викингов. Не иначе чтобы ночью пограбить окрестные деревни. Потому и отправились мы сюда, чтобы отучить пришлых воинов воровать наш скот и женщин. – Тут Аксель улыбнулся. – Но, вижу я, вы – люди добрые и с чистыми намерениями. Да и людей у вас, сколько бы воинов ты ни выставил на нос, не так много, чтобы победить даже пару дюжин рыбаков. Не согласишься ли ты перейти на мой корабль и выпить свежего пива?

Потом он крикнул своим людям, чтобы убрали копья и крючья. Гудбранд ответил:

– Рад я твоему приглашению. Но хотел бы взять с собой трех моих людей – у них жажда до пива самая нестерпимая.

Аксель ответил:

– Бери хоть всех. Нет в моих словах ловушки, а пива у нас много.

Но Гудбранд взял с собой только Кетиля, Асгрима и Харальда Зайца. Остальные спали на веслах, ожидая, не раздастся ли тревога и не придется ли грести полночи, спасаясь от преследователей в темноте. Мало кто мог сказать наверняка, чем кончится пир на борту у Акселя. Однако все обошлось: данам было не до них, потому как конунг Свейн Виллобородый Датский только-только собирался с силами после неудачной войны с Эйриком Победоносным²⁴. Свейн после поражений, что претерпел он от сеев, уже было сбежал к йомсвикингам, бросив свой двор в Роскилле, а потом, как безземельный конунг, отправился с Олафом Трюгтвасоном грабить в земли англов. Но тут и от самого Эйрика конунга сеев отвернулась удача.

Аксель, громко смеясь, рассказывал, как сначала всем казалось, что нет человека удачливей конунга Эйрика. Однако, выиграв битву, за которую его и прозвали Победоносным, у Стюрбьёрна и прогнав Харальда Синезубого с сыном Свейном из Дании, он настолько уверился в своих силах, что решил взять вторую жену. Чего не стоило бы делать, имея первой женой женщину, похожую на Сигрид Гордую, дочь Тосте Лесоруба из Гётланда. И вот не прошло много времени, как Сигрид покинула его, уведя с собой треть кораблей – все корабли из Гётланда, что достались ей от отца. А потом вышло так, что и здоровье Эйрика оказалось слабей, чем его голод до любовных утех. Так что всего через месяц после того он умер, оставив королевство сеев сыну своему от Сигрид – Олафу. Тут в Данию и вернулся Свейн, которому до этого, правда, пришлось жениться на дочери конунга вендов, чтобы пополнить свою казну.

В ответ Гудбранд рассказал данам о печальной судьбе Хакона ярла. А Кетиль, изрядно опустошив запасы пива, шутил, что в северных землях нет больше опасности для правителя, чем красивая женщина. Ибо в один год любовные утех лишили сеев и норвежцев их правителей. А конунгу данов выпала судьба жениться в Йомсборге.

²⁴ *Эйрик VI Победоносный* (?–995) – полулегендарный король Швеции. Согласно сагам, первый муж Сигрид Гордой, отец Олафа Шётконунга. Вначале правил страной вместе со своим братом Олафом, но потом отравил его во время пира, а сына Олафа Стюрбьёрна изгнал, дав ему 60 кораблей, чтобы тот мог захватить себе новое королевство. Однако через какое-то время Стюрбьёрн получил поддержку датчан и йомсвикингов и вернулся в Швецию с войском. В битве на полях Фюри Стюрбьёрн был разбит Эйриком, а затем тот в отместку вторгся в Данию. Умер в 995 году.

Затем даны рассказали, что слышали, как Сигрид теперь отправилась к своему сыну Олафу, что теперь правит свеями. И вместе они сидят в Сигтуне, городке, который построил Эйрик на берегу озера Меларен, недалеко от Упсалы. Хотя, конечно, не всякий поверит, что Сигрид Гордая даст самостоятельно править своему сыну, которому едва исполнилось шестнадцать лет. По слухам, недавно в Сигтуну явился и ярл Эйрик, перейдя через горы из Хладира с горсткой людей.

Так что Гудбранд, выслушав все эти вести, вернулся на корабль и велел, обойдя Сконе, идти на север. И все радовались, что можно наконец надеяться скоро оказаться среди своих.

Даны не чинили им препятствий, и наутро они прошли Зунд. Затем повернули на северо-восток вдоль берега, и здесь им повезло, и ветер был попутным.

Так они шли под парусом еще неделю, пока не дошли до Стокзунда – широкой протоки между морем и озером Меларен. Потом они опять сели на весла и повернули на север, плутая между островами. Не прошло много времени, как встретили они два корабля свеев, которые приказали им остановиться и назвать себя. От свеев люди Гудбранда узнали, что ярл Эйрик и в самом деле находится в Сигтуне. Потом Рагнар вызнал у свеев, какие проливы между островами следует выбирать, чтобы выйти к стоянке конунга Олафа.

Кнарр после этого долго шел среди островов, но в конце концов, выйдя из еще одного пролива, увидели они дюжину кораблей, причаленных к берегу, много домов и высокие палаты, обнесенные тыном. Они пристали к берегу и, оставив Асгрима Сакса, что еще не оправился от раны в ногу, охранять корабль, отправились в палаты конунга свеев проверить, насколько велико его гостеприимство.

У ворот усадьбы стояли несколько воинов, которые, завидев их, вытащили мечи. Но Гудбранд назвал себя и велел сказать о себе Эйрику сыну Хакона, ибо они его люди. И по тому, как быстро к ним вышел ярл, ясно стало, что гости они здесь желанные. Эйрик обнял Гудбранда и Кетилья и был радушен с остальными. Потом он велел, чтобы их отвели в баню и осмотрели раны. А сам увел с собой Гудбранда и долго его расспрашивал наедине. Затем их всех позвали пировать в палаты молодого конунга свеев Олафа.

Узнав, что скоро он будет пировать за столами с ярлом и конунгом, Хельги сказал, что хотя после всего, что случилось за последние недели, он уже начал привыкать к тому, что у норн нить его судьбы на веретене не намотана прямо, а мечется из стороны в сторону, однако его беспокоит, как он будет выглядеть среди всех этих могучих правителей. Кетиль сказал, что такую возможность нельзя упустить и Хельги должен сочинить драпу. На это Хельги отвечал, что драпа давно у него в голове, и единственное, чего он боится, это то, что в присутствии столь знатных людей его подведет собственный язык.

На это Кетиль ответил, что на пиру и вправду будут люди знатные, но что для него теперь это должно войти в привычку, так как не прошло и трех недель, как он видел конунга Олафа Трюгвасона. И если так пойдет, то вскоре он познакомится и с конунгом Свейном Вилобородым. На это Хельги ответил, что гораздо больше его смущают скальды ярла Эйрика и что Торд Колбейнсон может сочинить драпу много лучше его, так что опасается он вызвать насмешки. На это Кетиль сказал ему так:

– Это Хельги сын Торбранда был на борту корабля Гудбранда Белого, когда тот сражался против людей Олафа сына Трюгви. Это Хельги сын Торбранда принял на щит копьё Гамли, брата Ульфа Черного. И никто, даже Торд Колбейнсон, не посмеет насмехаться над ним, когда он будет рассказывать о том, как это было.

И он был прав. На пиру всем, естественно, хотелось услышать о событиях, выпавших на долю Гудбранда и его людей. Но Гудбранд подмигнул Хельги и сказал, что им повезло и среди них есть скальд, который и расскажет о том, что с ними случилось.

Хельги встал и начал произносить свои висы. И все, даже ярл и конунг, сидели и молча слушали, только время от времени разражаясь одобрительными криками. И тут настало время рассказать о том, как Олаф три раза предлагал Гудбранду вступить в свою дружину. И Хельги передал ответ Гудбранда так:

*Пусть нашим глазам не видать родной берег,
Мы Эйрика люди, покуда жив Эйрик!*

И когда эти слова прозвучали во второй раз, слышались одобрительные крики. А когда Хельги произнес их в третий раз, то тут уже все люди ярла повторили их и начали стучать кружками по столу.

Когда Хельги закончил, сам ярл выпил за его здоровье и за здоровье Гудбранда. И даже Торд Колбейнсон сказал, что слышал сочинения и похуже этого.

А на следующий день Хельги сын Торбранда принес клятву ярлу Эйрику сыну Хакона и обещал служить ему, пока не минет пять лет.

Так исполнилась мечта Хельги, и стал он скальдом и воином в дружине ярла. Однако иной раз, когда вспоминал он об Ингрид, улыбка сходила с его лица, и грустно становилось ему среди товарищей. И тогда он шепотом повторял слова, которые сам сочинил:

*Норны играют судьбою Хельги Торбранда сына.
Но тот, кто верит в удачу, сумеет вернуться к любимой.*

Сага о том, как Хельги сын Торбранда стал викинг

В землях конунга Олафа они перезимовали. Конунг дал ярлу Эйрику несколько заброшенных хуторов, людей из которых он переселил в Сигтуну, чтобы ярл мог сам заботиться о своих людях.

Гудбранд со своей командой поселился на небольшом хуторе в часе пешего пути от усадьбы ярла, и там они провели зиму.

В первый же день Гудбранд сказал Хельги:

– Что же, волей случая ты стал одним из нас. Но чтобы тебя не убили в первой же схватке, а мои люди не тратили сил, прикрывая тебя щитами, ты должен научиться биться, как умеем все мы. Каждый день ты будешь упражняться вместе со всеми, и я велю им бить тебя в полную силу. Так ты станешь воином и сможешь не только защищать себя, но и сам наносить удары. Но если тебе эта наука покажется чрезмерно тяжелой, если удары тупых мечей покажутся тебе больнее, чем готов ты выдержать, скажи мне. Я отправлю тебя к ярлу Эйрику – возможно, ему будут нужны прислужники в его палатах.

На это Хельги ответил:

– Я дал клятву ярлу Эйрику биться за него. Научите меня, как это делать, и я смогу принести вам больше пользы, чем вы думаете.

С тех пор Хельги не знал покоя. Гудбранд будил его до рассвета, заставлял умываться снегом и на лыжах бежать в Сигтуну, чтобы узнать, какие есть вести для него у ярла.

Когда Хельги возвращался, то помогал работникам очищать двор от снега, а затем носил воду из проруби на реке. После этого все упражнялись с оружием, и Асгрим Сакс показывал ему, как обращаться с луком и копьем. А затем Кетиль учил его биться на мече и обороняться щитом. Так проходил день. А вечером все собирались у очага, пили подогретое пиво и рассказывали о битвах и героях.

И часто Хельги просил Кетиль рассказать о далеком Миклагарде, о воинах разных племен, служивших у базилевса, о битвах и хитростях, которые применяли искушенные в постоянных войнах вожди ромеев против болгар, арабов, франков, мадьяр и других бесчисленных далеких народов.

Как-то во время поединка на мече Кетиль спросил Хельги:

– Если тебе предстоит смертельный поединок, а твой соперник намного сильнее, какое оружие ты выберешь?

Хельги ответил:

– Если противник сильнее меня, то я выберу копье. Так я достану его, не приближаясь, чтобы он не мог использовать всю свою силу.

Кетиль сказал:

– Возьми копье и постарайся меня ранить.

Хельги взял копье и нанес три удара, однако Кетиль отклонился от двух первых, а когда Хельги бил в третий раз, просто подпрыгнул над копьем и плашмя ударил Хельги мечом по голове.

– Копье – хорошее оружие, – сказал он. – Но только тогда, когда твой соперник медлит приблизиться. Еще одно хорошее оружие – топор: он дробит доспехи и кости и мало кто может ему противостоять. Но он хорош только в большой битве, когда твой соперник стоит в строю и не может отойти назад или в сторону. Еще очень хорош лук, коли умеешь с ним обращаться. Нет сильнее воина, чем конный лучник у ромеев. Сотня таких могла бы захватить любое королевство на Севере. Но и лук, и доспехи, и конь стоят столько, что даже конунг Олаф вряд ли позволит себе больше десятка. Да и то если перестанет платить всей остальной дружине.

– Так что твоё оружие – меч, – продолжил он, крутя меч в руке так быстро, что клинок превратился в паутину, сквозь которую нельзя было ступить. – Но меч – это не только острие, которым колешь, и лезвие, которым рубишь. Меч – это продолжение твоей руки. Встречай удар соперника плашмя, выбирай угол, под которым ваши мечи встретятся, – выбирай, куда твой соперник двинется дальше. Рукоять – не только защита руки, это оружие, которым можно вырвать меч, ударить в лицо, в живот.

Кетиль в шутку нанес эти удары Хельги, тот отступил.

– Щит – надёжная защита, – Кетиль снова продолжил. – Но он требует упора. Когда переносишь ты тяжесть на ногу, чтобы встретить удар, то нога твоя становится неподвижной. По ней легко ударить, и ты не успеешь её убрать. Ты видел много одноногих воинов? – Кетиль легко ударил Хельги мечом плашмя по ноге. – Все они слишком надеялись на свой щит.

– Поэтому твоё главное оружие – это меч, – сказал он наконец. – Ты не силен – будь подвижен. Сделай меч продолжением своей руки – и ты будешь чувствовать, насколько силен твой соперник, будешь управлять его движениями, будешь решать, когда ему умереть. Забудь о щите, пока ты не в большом войске. Учись биться только мечом, и твой следующий поединок закончится лучше, чем первый.

Хельги рассмеялся и сказал:

– В один из дней я хочу сразиться с Турандом из Хиллестада. Если твоя наука поможет мне его победить, я буду учиться у тебя днем и ночью. Ты устанешь делать из меня воина.

На это Кетиль ничего не ответил, а просто указал на деревянный меч.

Только на несколько дней в праздник Йоля все они отправились пировать к ярлу Эйрику. А затем снова вернулись к себе на хутор. И так как женщин на их хуторе не было, то все с нетерпением ждали времени, когда снова надо будет смолить корабли и проверять на прочность канаты.

Наконец потекли ручьи и пришло время собираться в поход. Гудбранд на несколько дней уехал держать совет с ярлом, а когда вернулся, сказал, что этим летом у них не будет недостатка в рабах и светловолосых рабынях, потому как идут они в поход в земли вендов. Все воины вздохнули, ведь многие думали, что отправятся против Олафа Трюггвасона. Однако Эйрик сказал, что время для этого не пришло.

Другой вестью было, что Олаф конунг свеев идет с ними с небольшой дружиной. Как сказал об этом Кетиль, молодому конунгу пора набираться ратной премудрости, а где же, как не в земле вендов, это можно сделать.

Третьей новостью было, что ярл Эйрик дал Гудбранду новый корабль. Вместо большого кнарра, на котором они пришли из Согна, у них теперь был драккар с двадцатью парами весел. Гудбранд и Рагнар, не мешкая, отправились набирать людей к ним в команду.

Гудбранд был не последним человеком среди норвежцев, потому охотников пойти к нему было много из тех, кто перешел горы с ярлом. Так они набрали еще три с половиной дюжины людей. Однако и теперь Хельги сын Торбранда оставался из всех самым молодым.

Сам ярл тоже купил себе корабль на двадцать четыре пары весел и еще два на двадцать пар. Сборы были быстрыми, и как только корабли были снаряжены, они отплыли на юг. Всего у них было двенадцать кораблей: четыре – у ярла Эйрика и восемь – у конунга Олафа.

В этот раз весь путь пришлось проделать на веслах, потому как ветер был противным. И за все время у них была только одна долгая стоянка на побережье в Гётланде, куда Олаф проводил свою мать. И на пиру все не сводили глаз с этой женщины, печально известной своим высокомерием, но слывшей одной из самых мудрых жен на Севере. И хоть немало лет уже было ей, лицо ее было гладким, зеленые глаза – яркими, а длинные рыжие волосы – густыми.

Сигрид устроила пир в честь своего сына, который шел в свой первый поход. На пиру скальды сказывали саги о могучих воинах из их рода, чтобы, как сказала Сигрид, Олаф запомнил, как предки его добывали себе славу.

После нескольких долгих сказаний о прошлом Инглингов²⁵ Олаф сказал матери:

– То, о чем поют твои скальды, – дела давно минувшие. Неужели ты думаешь, что я, как мой отец, покажусь на поле битвы на повозке, запряженной быками? Все это – древние обычаи, что теперь никто не блюдет. У нас есть люди, которые бились против Олафа Трюггвасона. И они могут порассказать, как сражаются те, кто был в Миклагарде, или в земле англов и франков, или в Гардарике.

На это Сигрид ответила:

– Много поколений нашего рода ходили в походы на восток. Многие ходили и на запад. Но твой отец, который выезжал на поле битвы на быках, как ты говоришь, сумел разбить в бою самого сурового из морских конунгов. И никто не скажет, что Стюрбьёрн был воином, который не знал обычаев других стран. Но войско, которое сражается за свои обычаи, бьется лучше, чем то, что созвали воевать лишь в надежде на скорую добычу. А когда знаешь, как призвать на свою сторону богов, то и победа становится ближе.

– Те, кто верит в Белого Христа, говорят, что их бог сильнее всех наших, – ответил Олаф. – Король франков Карл, который заставил саксов верить в Белого Христа и который отравил короля данов Гудфрида²⁶, тоже хотел, чтобы все люди на Севере стали христианами. И, слышал я, не было никого могущественнее, чем Карл. Может, и нам стоит выбрать Белого Христа. Одно дело молиться и приносить жертвы многим богам – ты можешь забыть про кого-то из них и вызвать его гнев. Или если жертвы твои покажутся ему скромнее, чем пристало. Другое дело, когда достаточно ублажить одного бога. И он будет помогать тебе и в море, и в битве.

– Пока приносятся жертвы в священной роще в Упсале, стоит твоя земля. И бонды приносят тебе оброк, – начала злиться Сигрид, – и у твоей дружины есть серебро. Если христиане построят в нашей земле свои храмы, то и оброк люди понесут Белому Христу, а не тебе – он будет их защищать.

Тут в спор встрял ярл Эйрик:

– Госпожа, правдивы твои слова про тех, кто верит в Белого Христа. Слышал я, что Олаф сын Трюгви хочет сделать христианами и людей моей земли. И верю я, что Один не оставит этого без ответа. Боги могут порой медлить, но когда доходит до верности обычаям предков, они не знают пощады. В числе моих людей есть и люди, сражавшиеся с Олафом сыном Трюгви прошлой осенью. Один из них также хочет прославиться как скальд. Пусть мало кто скажет, что висы его безупречны, но рассказать о битве он может.

– Так вели позвать его, ярл Эйрик, – воскликнула Сигрид. – Пришла пора слушать о битвах наших дней. Молю богов, чтобы висы его не были совсем ужасны...

Хельги сын Торбранда, что сидел в дальнем конце пиршественной палаты, был удивлен, когда ему сказали, что его зовет ярл. Но он еще не успел выпить лишку пива и потому смог предстать перед ярлом, хозяйкой пира и почетными гостями совсем быстро.

Несмотря на робость перед Сигрид, когда ярл Эйрик попросил его рассказать драпу об их битве с кораблями Олафа Трюггвасона, он совладал с языком. Едва начал он свои висы, как увидел, что разговоры притихли и гости Сигрид следят за ходом битвы. А когда Хельги сказал слова о верности ярлу Эйрику, то все в палатах начали стучать кружками по столу, так что пиво выплескивалось на пол. А потом Сигрид сказала здравицу в честь ярла, который должен быть уверен в том, что вернет себе Норвегию, раз у него есть такие верные люди.

Потом Сигрид спросила у Хельги сына Торбранда, откуда он родом и почему раньше она никогда не слышала о таком прекрасном скальде.

²⁵ *Инглинги* – королевский род в Швеции, по легенде, ведущий свое происхождение от бога Фрейра.

²⁶ *Гудфрид Датский (?–810)* – король данов, неоднократно воевал с вассалами Карла Великого. По одной из легенд, был отравлен на пиру по приказу императора Карла.

Хельги, который рассматривал ее красивый наряд и все еще молодое лицо, снова и снова вспоминал рассказы о том, как она недавно чуть не сожгла своих женихов.

– Зовут меня Хельги сын Торбранда. Я родился в заливе Согн, – ответил он Сигрид, – и еще полгода назад приглядывал я за скотиной в усадьбе моего отца. Однако теперь я – человек ярла Эйрика, в чем поклялся. И не скажу я, что могу назвать себя скальдом, потому как не сложил еще драп о великих битвах. Но если тебе, госпожа, мои висы понравились, то, может, понравится и та виса, что я сложил здесь для тебя:

*Невесело Сигрид на проводах сына, Олафа конунга,
Губы смеются, а сердце печалится.
Придет пора жатвы, и ясень битвы, добывший славу,
Дорогой китов домой возвращается²⁷.*

Сигрид похвалила вису, но спросила, откуда он знает, что чувствует она, провожая Олафа в поход.

– То же чувствовала бы и моя мать, провожая меня в первый поход. Но когда я уезжал, думала она, что вернусь я через пять дней. А теперь не увидеть мне ее пять лет.

И Хельги рассказал о себе.

– Что же, Хельги сын Торбранда, твоя судьба заслуживает того, чтобы ее запомнили, – ответила Сигрид. – И висы ты складываешь, что не назовут плохими. Но не в моих обычаях верить всему, что впервые видишь и слышишь. Если поход моего сына будет удачным, то ты получишь от меня награду, достойную твоей висы.

После этих слов один из людей Сигрид увел Хельги от места, где восседали вожди, и Кетиль сказал:

– Воистину говорят, что скальды пируют в Валхалле по правую руку от Одина. Не минуло еще и полугод с той поры, как сторожил ты овец на горных пастбищах. А теперь ты говоришь со знатными людьми всех северных стран. Берегись, кто-то начинает тебе сильно завидовать.

На это Хельги ответил:

– Моей судьбе нечего завидовать. За судьбу скальда я заплатил разлукой с отцом и матерью. А про любимую девушку я до сих пор не знаю, что и думать. Верить ли ей или верить Туранду? Или искать правду где-то промеж их слов? Какую бы нить ни ткали норны, но об Ингрид мне, видать, суждено забыть. Поклялась она ждать меня два года, а мы дали клятву не ступать на нашу землю пять лет.

– Не к месту сейчас грустные мысли, – ответил Кетиль. – Не думай, что можешь предсказать, какую нить прядут норны. А из пяти лет полгода уже прошли. Но все же берегись Аслака Финна. Невзлюбил он тебя с самого начала, да потом как-то стало не до того. Но теперь мы снова идем в поход, и здесь много людей и много вождей, и видел я, как сморщилось его лицо, когда подозвал тебя ярл Эйрик.

– Не стану я беречься Аслака. Что бы он ни думал, мы теперь – одна корабельная команда. И не в обычаях людей строить козни тому, кто гребет за соседним веслом.

Кетиль опрокинул в рот рог с пивом и сказал только:

– Возможно, ты и прав, Хельги Скальд. Но за Аслаком я пригляжу.

Сигрид доставила им запас еды и десять дюжин охочих людей, так что вскоре они поплыли дальше уже с четырнадцатью кораблями. В земле данов они не грабили, надеясь пройти тем же путем назад. А Йомсборг обошли рано утром, потому как ярл Эйрик не хотел встречаться с Сигвальди ярлом. Гудбранд об этом сказал так:

²⁷ *Ясень битвы* – иносказание (кенинг), обозначающее война. *Дорога китов* – море.

– Хотя он и ярл конунга данов, но служит он только себе. А если бы было наоборот, то мы бы повстречались с ним у Хьёрунгавага. Однако не захотел он встречи с нами тогда и увел свои корабли, так что в этот раз мы и сами не будем себя навязывать.

А Кетиль добавил, что у Сигвальди, ярла йомсвикингов, жена – сестра конунга вендов Бурицлейва²⁸ и что немногие назовут мудрым заранее тревожить конунга, земли которого они идут грабить.

Чтобы избежать встречи с дозорами йомсвикингов, пришлось им грести ночью, обмотав весла тряпками. Впереди ярл Эйрик пустил лодку с горящей жаровней на корме, свет которой был закрыт с трех сторон и виден только тем, кто был сзади. С лодки кидали грузило, чтобы нащупать путь для кораблей в протоке между островами Волин и Узнам, как назвал эти места Рагнар Лысый. На острове Волин, на его восточном берегу, стоял и Йомсборг, потому и обходили они остров с запада.

На рассвете вошли они в устье реки, которую Рагнар назвал Одером, и гребли против течения несколько часов. Гудбранд сказал, что река эта у вендов называется Одрю и что есть у них в этой земле несколько деревень, что могут стать легкой добычей даже для неопытного воина. Деревни эти укреплены слабо, о чем говорят люди, бывавшие здесь, потому как под защитой Йомсборга они полагают себя вне опасности. Потому надо быть осторожнее, чтобы весть об их высадке не дошла до Бурицлейва или Сигвальди слишком рано.

Затем корабли вошли в протоку между большим островом и берегом Одры. По ней они шли еще несколько часов, пока не почувствовали запах дыма, идущего от очагов. Тогда они вытащили корабли на берег.

Проводником был у них человек, которого звали Скопте. Сам он был из свеев и долго жил в тех краях. Он рассказал, что в трех-четырех милях вверх по течению есть богатый городок, который защищают невысокие стены. И венды со всей округи имеют глупость доверять этим стенам из земли и деревянного частокола все свои богатства.

С кораблями они оставили по десять человек от команды. А остальные пешком, стараясь не шуметь и скрываясь в невысоких кустах, двинулись вдоль берега протоки. Всего их было около семи сотен: две сотни человек ярла Эйрика и остальные – люди конунга Олафа и его матери.

Послушав Скопте, все решили, что поход будет легким, а добыча богатой. Так что кое-кто заранее начал думать о том, как распорядится рабами. А кто-то уже начал предлагать сыграть в кости на будущую добычу. Однако когда разведчики их смогли увидеть укрепления городка, то радость поугасла.

Олаф за бороду вытащил Скопте на вершину холма, с которого был виден городок:

– И эти стены из деревьев в два обхвата ты называл частоколом из кольев?! – кричал он. – А этот ров в две сажени шириной ты назвал канавкой!

Скопте с удивлением смотрел на стены городка и бормотал, что когда он тут был прошлой весной, все выглядело по-другому. Теперь же знающие люди говорили, что перед ними – крепость, похожая на те, что Харальд Синезубый повелел строить по всей Дании, и даже ни в чем не уступающая самому Йомсборгу.

Ярл Эйрик положил руку на плечо Олафу и сказал:

– Даже отсюда я вижу, что не вся стена закончена. Это знак того, что венды начали строить крепость не так давно. А значит, Скопте не лжет. И теперь у нас есть два пути: отдать нашим людям Скопте, сказать, что он нас обманул, и вернуться восвояси или придумать, как нам взять эту крепость. Какой путь выберешь ты, конунг?

На это Олаф ответил, что охотно бы поохотился на Скопте с собаками, как на оленя, но в этот день ему больше хочется вендских женщин. Поэтому готов он отпустить Скопте и

²⁸ Бурицлейв – скандинавское имя Болеслава I Храброго (ок. 967–1025), польского князя (992–1025) и короля с 1025 г.

выслушать мудрых людей о том, как можно было бы захватить эту твердыню вендов, не потеряв слишком многих.

На это ярл Эйрик сказал, что хорошо, когда два мужа во главе войска так единодушны в том, что им следует предпринять. Потому как крепкий союз возникает из общих мыслей о войне, а не из уговора о том, как разделить добычу. И велел он всем людям встать на ночевку, не разжигая костров. И выслал разведчиков к крепости, а другим приказал убивать всех вендов, кто обнаружит их стан.

Люди Гудбранда расположились на ночлег на опушке леса. Гудбранд велел, чтобы огня не разводили и из леса никто и носа не показывал. Со всех сторон стан окружили дозорами. Кетилю и Хельги выпало стеречь дорожку, что вела через лес к крепости. Кетиль вызвался стоять на страже первым в самые тяжелые ночные часы и разбудил Хельги, когда уже светало.

– С рассветом кто-то может появиться, – сказал он, – смотри в оба. Никто, кто заметит нас, не должен подать знак в крепость.

Хельги долго ждал, но на дорожке никто не появлялся. Наконец, когда солнце было уже на востоке, раздались скрип телеги и голоса. Хельги тронул за рукав Кетилия, и тот, чуть приоткрыв глаза, тоже прислушался:

– Я слышу два голоса. Значит, лучше напасть на них из засады. Сейчас они, должно быть, сонные и не сразу поймут, что случилось.

Из-за поворота дорожки показалась телега, запряженная волами. Везла она обтесанные стволы, похожие на те, из которых были построены новые стены городка. С телегой шли два венда.

– Видать, торопятся достроить свою крепость. Оба зевают, точно пришлось им заночевать в лесу, когда стемнело, – прошептал Кетиль. – Ты руби того, что идет позади.

Хельги посмотрел на венда, что достался ему. Судя по одежде, это был простой крестьянин, но лица под шляпой с широкими полями было не видать.

– У них не видно оружия. Может, не стоит их убивать? – спросил он Кетилия.

– Может, и не стоит, но лучше сразу рубить, а потом разбираться. Если кто-то из них сбежит и подаст о нас знак в крепость, придется нам вернуться или потерять несколько дюжин людей при приступе.

Хельги кивнул и крепче ухватил рукоять меча. Кетиль бесшумно двинулся на несколько шагов вперед по дорожке, прячась за кустами. Он предпочел обойтись ножом, а меч перевесил за спину.

Когда телега поравнялась с ними, то оба одновременно выпрыгнули из кустов. Первый венд не успел ничего заметить до того, как нож Кетилия вонзился ему в спину. Второй обернулся на шум в кустах, и Хельги ударил его мечом в горло. Перед этим Хельги успел заметить, что венду лет было меньше, чем ему самому.

– Зря мы убили безоружных, – сказал он. – Не очень достойно воинов.

– Да, Хельги Скальд, – ответил Кетиль, – лучше бы мы их захватили, а потом продали как рабов. Но сейчас не время думать об этом и том, что достойно воинов, а что – нет. Достоинство воинов в том, чтобы выполнить приказ своего вожда. И если каждый раз, когда тебе скажут «руби», ты будешь раздумывать о том, достойно ли это твоей чести, то тебе лучше обратиться к Белому Христу и уехать в Ирландию, где, я слышал, сохранились еще неразграбленные монастыри. Там ты смог бы спокойно размышлять и складывать висы. А военные походы оставить нам, простым недостойным и грязным воинам.

– Прости, Кетиль, я сказал обидные слова. Но это оттого, что на душе стало как-то тяжело, когда я увидел, что этот венд еще так молод, – Хельги стал вытирать кровь с меча пучком травы.

– Я понял, о чем ты, и ты не обидел меня. Со мной тоже так было. Но будь уверен, ты еще встретишься с вендами, у которых в руках будет оружие. И это будет совсем скоро.

В это время со стороны стоянки на шум к ним подошел Гудбранд с тремя людьми, чтобы посмотреть, что произошло.

– Видать, темнота застала этих вендов в дороге – так они торопились привезти бревна в крепость. Поэтому и заночевали в лесу, – объяснил ему Кетиль. – А с рассветом тронулись в путь.

– Наши разведчики обошли всю крепость кругом, – сказал Гудбранд. – Не закончены пока башни над воротами, и венды торопятся их достроить. Но приступ от этого легче не станет – в стенах проходов нет. Потому задумали мы окружить крепость и разом начать со всех сторон. Они не смогут опомниться быстро и не поймут, куда бежать.

– От леса до крепости – добрых три полета стрелы, – оценил Кетиль. – Нам надо будет их пробежать с приставными лестницами, а потом, запыхавшись, лезть на стену. С востока крепость прикрывает река, с юга – лес, но от него до крепости еще дальше. Потом лес кончается, и с юго-запада на запад идут поля. Там укрыться негде. Может, надо было напасть на рассвете, когда дозорные уже дремлют? Если атаковать сейчас, мы потеряем человек тридцать-сорок до того, как возьмем стены. И еще неизвестно, сколько воинов там внутри.

– Ярл Эйрик тоже предлагал напасть на рассвете, но Олаф сказал, что после долгого пешего перехода ему и его людям надо выспаться, – рассказал Гудбранд. – К тому же они не взяли с собой лестниц, и теперь придется их рубить на несколько миль ниже по течению, чтобы стуком топоров не поднять тревогу. Потому ярл не стал испытывать терпение богов и нападать только своими силами. Пускай теперь Олаф сам ведет своих людей на приступ.

Кетиль посмотрел на отца, а потом на остальных:

– Конечно, людей у нас хватит, чтобы захватить эту крепость, но славы в том будет мало. Если конунг Олаф так будет учиться ремеслу викинга, то мало будет проку от такого учения, – проговорил он. – Не зря говорят: идя в поход, выбирай одного вождя. Надеюсь, мы будем атаковать с севера – так идти меньше, а я не люблю долго ходить перед тем, как лезть по хлипкой лестнице на копья.

Тут Хельги спросил Кетиля:

– Ты говоришь, эти бревна ждут в крепости?

– Ясное дело – ждут, иначе зачем этим вендам было так торопиться, – ответил Кетиль, почесав свою бородку и задумчиво посмотрев на Хельги.

– Бревна длинные, и телега с ними не даст воротам закрыться, – проговорил Хельги.

– А если сбить колесо с оси, то и откатить телегу быстро не получится, – продолжил Кетиль.

– Хитрость вы задумали неплохую, – похвалил Гудбранд, – но те, кто пойдет с телегой, могут не пережить сегодняшнего дня.

– Честь пойти с телегой мы с Хельги никому не уступим, – ответил Кетиль. – Уже все владыки Севера слышали рассказ Хельги о битве с конунгом Олафом сыном Трюгви. Скоро Хельги нечего будет рассказывать на пирах у конунгов. Так что пришло время сложить новую песню.

Гудбранд кивнул:

– Да и по росту вы похожи на этих вендов. – Он тронул носком сапога одного из убитых. – Только рубахи их уже никуда не годны. А на плащах кровь можно затереть травой. Пойду переговорю с ярлом.

И Гудбранд ушел. Харальд Заяц сказал:

– Коли у тебя сегодня нет настроения сражаться, Хельги, я могу пойти вместо тебя.

На это Хельги ответил:

*Локи достойная хитрость – скальд будет драться в воротах.
Вендов врасплох мы захватим – их ждет прибавленье в сиротах.*

– Как видишь, Харальд, я уже начал сочинять новую драпу. Потому с Кетилем я пойду сам. Но я благодарен тебе за предложение. Я запомню его и охотно поменяюсь с тобой, особенно если придется драться с великанами или штурмовать стены Хель²⁹.

Солнце уже высоко поднялось над лесом, когда все были готовы к приступу. Те лестницы, что были у них, разделили между всеми воинами на случай, если хитрость с воротами не удастся. Хельги и Кетиль надели вендские шапки и их плащи и измазали грязью лица. С десяти шагов отличить их от вендов не смог и Скопте. Мечи они положили в телегу промеж бревен.

– Если вас зарубят прежде, чем мы успеем добежать до крепости, – улыбнувшись, сказал им на прощание ярл Эйрик, – надеюсь, вы все же отвлекете их взгляды от стен.

Потом он обнял их за плечи и пообещал, что самые красивые женщины в крепости достанутся им. Конунг Олаф покивал в знак согласия.

Кетиль спросил у Скопте, как будет по-вендски «открывай», и несколько раз повторил незнакомое слово. Потом они медленно тронулись к крепости, ворота которой утром так и не открылись. Кетиль шел позади телеги и примеривался, как одним ударом снять тяжелое колесо с оси. А Хельги вел волов, и за поясом он прятал нож, чтобы обрезать им постромки.

– Если эта башня над воротами устроена так же, как в крепостях данов, то в ней, кроме наружных ворот, есть еще решетка внутри. Когда нам откроют наружные ворота, мы войдем в башню. Бревна длинные, и страже придется открыть еще и решетку, не закрывая створок. – Кетиль еще раз повторял то, о чем они говорили. – Ты обрежешь постромки, нырнешь под телегу и достанешь свой меч. Коли всякого, кто полезет за тобой. А я займусь стражей у наружных ворот.

– Да, Кетиль, я все запомнил, – ответил Хельги. – Если ты повторишь это еще дюжину раз, то я буду помнить об этом на своем смертном ложе. Но почему они не открывают ворота?

– Ты должен в мыслях проделать все движения, как если бы ты оказался внутри крепости, иначе твое смертное ложе будет вот на этой телеге. А ворота они не открыли потому, что нельзя с дюжиной кораблей идти целый день по реке и остаться незамеченными. Венды знают, что мы здесь, но не знают, куда мы идем. И нам надо скорее вернуться к кораблям, потому что эта весть, возможно, дошла уже и до Йомсборга. А что там придумает Сигвальди, я судить не берусь.

Хельги хотел спросить еще о чем-то, но Кетиль приказал ему молчать, потому как ворота были уже близко и их могли услышать стражники. Так, молча, они и подошли к воротам. Сверху из башни на них глянул один из стражников. Кетиль крикнул, чтобы тот открывал. Судя по всему, стражник выругал его за опоздание, но мост перед воротами опустился, и внешние ворота стали открываться.

Хельги, опустив голову и скрыв лицо под шапкой, ввел волов внутрь башни. Он увидел, что решетка действительно есть, но сейчас она поднята. У внешних ворот остались стоять двое вендов со щитами, копьями и мечами. Кольчуг на них не было. Внутри башни стояли еще двое. Когда упряжка волов оказалась прямо посередине башни, Кетиль свистнул, и Хельги резким движением вынул из-за пояса нож. Пока стражники в замешательстве выхватывали мечи, Хельги успел перерезать ремни, удерживавшие волов в упряжке. Потом, уклонившись от ударов, он кинулся под телегу. Сзади тоже слышался шум борьбы, а затем телега просела, так что Хельги пришлось прижаться к земле. Это Кетиль, внезапно схватив с телеги спрятанный там меч, успел свалить на землю обоих вендов у внешних ворот и сбить колесо с оси.

Стражники из крепости сначала кинулись в обход телеги, однако первый из них, зажатый между стеной и бортом, не смог уклониться от удара Кетилея. Второго стражника Хельги ударил

²⁹ *Хель, Хельхейм* – в скандинавской мифологии мир мертвых, где правит великанша Хель.

снизу ножом в ногу, но тот, раненый, успел отпрыгнуть назад. Тогда Хельги смог дотянуться до своего меча, лежащего на телеге.

В это время сверху раздался крик, и на телегу рухнула решетка, запирающая ворота. До земли она не доставала полсажени. Крики звучали громче, и Хельги увидел, как венды сначала попытались сдвинуть телегу, ведя волов, но поняли, что те больше не привязаны, и схватились за оглобли. Однако телега с бревнами, завалившаяся на одно колесо и прижатая сверху решеткой, оказалась слишком тяжела. Тогда откуда-то из крепостного двора прозвучал приказ, и решетку подняли, а сбоку и поверх телеги к внешним воротам кинулись еще воины. Хельги ударил кого-то по ногам, а Кетиль вскочил на телегу и оглушил рукояткой меча венда, пытавшегося прорваться сверху. Тот упал на бревна, и Хельги добил его ударом меча в бок.

У Кетилия был щит, который он забрал у одного из стражников. Но когда он встал на телеге, в него выстрелили из луков через бойницы из надвратной башни. Две из трех стрел попали в щит, а одна вонзилась в правое плечо. Кетиль бросил щит и перехватил меч в левую руку.

– Не дай закрыть ворота! – крикнул он Хельги и соскочил с телеги назад.

Следом за ним на телегу впрыгнули два венда. Хельги, услышав топот ног у себя над головой, выкатился из-под телеги назад. Кетиль бился с вендами, которые нападали сверху, с мечом в левой руке. Видно было, что он не успевает отбивать все удары и медленно отходит. Хельги вскочил на ноги и принял на свой меч удар левого венда. Сверху снова выстрелили из лука. Стоящие на телеге венды не давали стрелкам прицелиться, и две стрелы прошли мимо. Однако третья впилась Кетилю в бок, и он упал. Венды прыгнули вниз с телеги, и левый с размаху ударил Хельги щитом в лицо. Хельги успел отклониться, но оказался прижатым к стене. С обеих сторон телеги к внешним воротам бросились еще воины.

Хельги присел и ударил ближнего венда мечом в пах, тот согнулся и упал. Кетиль, катаясь по земле, пытался отбить удары второго венда, но сдержат остальных он уже не мог. Хельги, не глядя на воинов, что прорывались по бокам и сверху телеги, в прыжке ударил венда, что собрался было пронзить живот Кетилия, рукояткой меча по затылку. Потом, упав, перевернулся на спину рядом с Кетилем, готовясь встретить смерть.

От меча, целящего в голову, он еще успел уклониться, потом отбил удар в живот, но следующий удар выбил меч у него из рук. Часть вендов бросилась к воротам, пытаясь их закрыть, а двое остались добить их с Кетилем. Хельги увидел над собой занесенный меч, и ему нечем его было отбить. Он зажмурился, когда увидел, как меч начал опускаться, но вместо острого клинка почувствовал, как на него рухнуло тяжелое тело.

– Можешь открыть глаза, Хельги Скальд, – сказал ему Аслак Финн, ударом топора сразивший нападавшего на Хельги венда. – Иначе тебе сложно будет говорить на пирах, что ты видел битву собственными глазами.

Хельги спихнул с себя тело мертвого венда и присел:

– Ты спас мне жизнь, Аслак, но сейчас тебе лучше поторопиться в крепость, пока я не нашел свой меч.

– Пока ты его не нашел, я защищу тебя от страшных вендов. А когда ты его найдешь, я всегда рад посмотреть, кто из нас двоих больше похож на воина, – ответил Аслак и убежал в ворота.

Венды пытались вновь опустить решетку и стрелять сверху, однако приступ десятков воинов им задержать не удалось. Тех, кто был в воротах, зарубили сразу, а стену копий, что венды выстроили внутри крепости, разбили щитами. Вендские воины на стенах тоже бросились к воротам, и скоро викинги уже карабкались по приставным лестницам вверх, где никто не встречал их ударами копий.

В мгновение ока были захвачены стены, и оставшиеся вендские воины бились вниз, пытаясь сдержать викингов между домов, чтобы их женщины и дети могли убежать через южные или западные ворота.

Гудбранд подбежал к Кетилю, присел и осмотрел его раны:

– Многие бы сказали, что Сигурд с такими ранами победил бы дракона. Хвала богам, что стрела у тебя в боку не смогла полностью пробить кольчугу и вошла неглубоко. А та, что в плече, – простая царапина, о которой ты забудешь через пять дней. Стоит ли валяться сейчас, когда город – наш?

– Сигурд – герой сказаний, а я – простой воин на службе у безземельного ярла, – ответил ему Кетиль. – Потому, отец, лучше я полежу тут, потому как, мне кажется, свою долю добычи я заслужил.

Гудбранд хлопнул его по плечу так, что Кетиль согнулся, и приказал Арни перевязать ему раны, а сам бросился в схватку. Кетиль посмотрел на Хельги:

– Еще пару мгновений, и кровь, которая залила всю твою одежду, оказалась бы твоей собственной, а меня бы утыкали стрелами, как ежа. Нравится тебе ремесло викинга, Хельги Скальд?

– Мне все еще непросто поверить, что мы еще живы. Видать, надо просить ярла Эйрика заставлять своих людей почаще бегать. Но ремесло викинга мне начало нравиться с тех пор, как Аслак Финн спас мне жизнь, хоть не по нраву я ему. А теперь хочу я войти в крепость и увидеть своими глазами, стоило ли ради этого переодеваться вендом, – ответил Хельги.

– Пригляди там женщин почище, – сказал ему Кетиль, а сам, опираясь на плечо Арни, побрел к их стоянке.

Хельги нашел свой меч и взял щит одного из убитых вендов. После этого он, покачиваясь, вошел в крепость. У ворот схватка прекратилась, и теперь бой шел у большого терема, окруженного тыном, через площадь от ворот. Дрались и на улицах. Кое-где поднимались языки пламени, и были слышны крики женщин. Кто-то из людей конунга Олафа тащил воду в кожаных ведрах, чтобы тушить разгорающиеся пожары, крича, что в пламени они могут потерять всю добычу.

Хельги не стал ввязываться в схватку у терема, а поднялся на стену, чтобы увидеть весь городок. Там тоже лежало несколько убитых с обеих сторон. С высоты стало видно, что восточные ворота, выходящие к реке, уже захвачены, а бой на стенах идет у южных ворот, через которые в поля выбегают жители.

Тут крики стали громче, и Хельги увидел, что и с южной стороны, со стороны полей, показались викинги, которые сразу начали охоту за бегущими из крепости женщинами. Теперь городок был окружен с трех сторон, а с востока путь для бегства преграждала река. Хельги по стене пошел к восточным воротам, где мелькал красно-синий плащ Гудбранда.

Решетка ворот была опущена, и около нее на страже стояли несколько викингов, чтобы и с этой стороны никто не смог вырваться из крепости. Гудбранда у ворот не было, не было видно и его людей. Хельги собрался спуститься со стены, но тут ему почудилось какое-то движение в башне над воротами.

Хельги открыл приотворенную дверь, вошел внутрь и едва не споткнулся о тело викинга, лежавшее на полу. Необычным было то, что у викинга были полуспущены штаны, словно он собрался по нужде. Лицо викинга было ему незнакомо, видать, тот был из людей конунга Олафа.

В это мгновение он услышал слабый шорох справа и кинулся на пол, в развороте пытаясь отбить удар. Сталь звякнула о сталь. Он откатился вбок, чтобы не дать противнику добить его на полу, и выставил вперед меч.

Из распахнутой Хельги двери в башню хлынул свет, и Хельги увидел, что с мечом в руке на него идет черноволосая девушка, а за ее спиной в углу жмутся две девочки в одних рубахах.

Так же молча черноволосая сделала шаг вперед и занесла меч, но Хельги ударил ее ногой в колено, она потеряла равновесие, и он выбил оружие у нее из рук. Черноволосая упала и тут же поднялась на ноги. Из потайного кармана в золоченом кожаном поясе она выхватила нож с длинным узким лезвием и встала между Хельги и детьми.

Хельги уже был на ногах, а в руке у него был меч, который был раза в три длиннее ее ножа. Щит соскользнул с руки во время прыжка на пол, но теперь он бы только мешал. Они встали друг напротив друга, и Хельги смог ее рассмотреть. Видно было, что она не из простой семьи, – на ней был золоченый пояс, расшитая у ворота серебром рубаха и серебряные браслеты на руке. У нее были темные глаза, яростно прищуренные, и красивое лицо с высокими скулами. Рот ее был приоткрыт в оскале, и видны были ровные зубы. Она тихо сказала ему по-датски с непривычным выговором:

– Живыми ты не получишь ни меня, ни сестер!

Хельги ничего не ответил, оглядывая стены и пол башни. В деревянном полу были сделаны широкие бойницы для лучников, как те, из которых стреляли по ним с Кетилем. Ширина бойниц была достаточной, чтобы в них пролез подросток или девушка. Но мужчине пролезть сквозь эти отверстия было не под силу. Сквозь бойницы были видны открытые внешние ворота башни. Посередине башни был ворот, поднимающий решетку.

– Эти бойницы в полу – последняя дверь для вас троих наружу? – спросил Хельги. – Вы хотите уйти к реке и надеетесь, что вас никто с этой стороны не заметит? А этого воина ты убила, когда он хотел взять тебя силой?

Вместо ответа черноволосая сделала выпад ножом, от которого Хельги легко уклонился. Потом он поймал ее руку и, ударив два раза о стену, заставил пальцы, держащие нож, разжаться.

– Ты красивая, – сказал Хельги, отбросив девушку в угол, где стояли ее сестры. – За тебя дали бы десять золотых монет из Сёркланда³⁰. А то и все пятнадцать. И кое-что добавили бы за сестер.

Хельги осторожно присел и поднял щит, мечом по-прежнему угрожая черноволосой.

– Но меня зовут Хельги сын Торбранда, или Хельги Скальд, и судьба моя – получать золотые монеты за свои висы, а не за продажу в рабство красивых женщин. К тому же сегодня я уже убил одного безоружного. Потому не стану я мешать вам бежать. Никому неизвестно, как в руках у норн сплетаются нити нашей судьбы, но сдаюсь мне, что боги велют поступить именно так.

С этими словами он вышел из башни на лестницу.

Еще до полудня бой закончился, и ярл Эйрик дал приказ, не мешкая, выступить к кораблям. Люди Олафа надеялись, что им дадут время выпить пива и развлечься с захваченными женщинами, но молодой конунг рассудил, что пиво и женщин можно взять с собой, а главное теперь – вернуться к кораблям. Ведь там осталась только сотня людей, а у конунга Бурицлейва на той стороне реки – несколько сот конных воинов, которым едва ли понравится, что у них под носом был разграблен их городок. И это если не считать йомсвикингов, про которых нельзя сказать, чью сторону они примут.

Обратный путь занял меньше времени, потому как всю добычу погрузили на телеги и шли, уже не скрываясь. Кетиль также везли на телеге, хотя он говорил, что рана его пустяковая и стрела не глубоко вошла под кольчугу. Но Гудбранд приказал ему лежать, ведь от долгой ходьбы рана могла воспалиться, и тогда в следующей битве от него было бы мало проку. Хельги шел рядом с телегой, и Кетиль расспрашивал его, приглядел ли он пригожих женщин среди пленных.

³⁰ Сёркланд – в сагах земли, которые современные ученые отождествляют с арабским халифатом.

На это Хельги отвечал, что среди вендских женщин немало таких, что можно было бы назвать красивыми, но что сам он особо не приглядывался, так как в его сердце живет только одна Ингрид. На это Кетиль сказал ему, что Ингрид, верно, очень одиноко в сердце у Хельги. Ведь женщины любят поболтать, а в одиночестве этого никак не сделать.

Так они еще до заката дошли до кораблей и погрузили на них свою добычу, которая, по правде сказать, не была слишком уж богатой. Кроме сотни пленников, серебра было взято совсем немного, а золота не было вовсе. Олаф выглядел разочарованным, хотя ярл Эйрик и утешал его тем, что при штурме крепости у них было всего пятеро убитых. Однако Гудбранд передавал, что и сам ярл от этого похода ожидал большего, ведь, по словам Скопте, в крепости должно было находиться святилище одного из вендских богов с богатыми дарами. Однако то, что они нашли, было простым сараем с несколькими деревянными идолами, и лишь некоторые из них были местами позолочены.

Скопте уверял, что прошлой весной все было иначе, но ему уже никто не верил, и все на него косо поглядывали.

Как только добыча была погружена, корабли немедленно отчалили. Шли они вниз по реке, и грести не было надобности. Рагнар оставил только несколько человек на веслах, чтобы ненароком не сесть на мель.

Солнце уже было на северо-западе, когда вышли они из протоки в Одру. И в начинающихся сумерках не сразу заметили они, что их уже ждут: ниже по течению от берега до берега стояли две дюжины драккаров со спущенными парусами и без знамен и стягов.

Едва вышли они из протоки, на обоих берегах зажглись костры, и видно стало, что и с той, и с другой стороны стоят вендские воины. Хельги увидел, как на своем корабле Олаф снова схватил Скопте за бороду.

– Неплохую засаду нам здесь устроили, – сказал Асгрим Сакс. – А я-то был уверен, что весть о нас еще не успела так далеко разнестись.

– Вижу я, что и конунг Олаф удивлен, как такое могло получиться, – сказал Кетиль, показывая, как Олаф ударил Скопте кулаком в лицо и выбросил за борт. Скопте был в кольчуге и начал тонуть, а корабли викингов, не останавливаясь, шли мимо. Так они сблизилась с неизвестными драккарами на два выстрела из лука.

Ярл Эйрик подал сигнал всем остановиться, а сам направил свой корабль к кораблю Олафа. Затем, после короткой беседы, корабль Олафа двинулся к преграждающим им путь драккарам.

– Кто вы и кто ваш предводитель? – спросили с корабля Олафа.

В ответ им сказали:

– Мы викинги с Йомсборга, и наш предводитель – ярл Сигвальди сын Струт Харальда. А теперь назови себя, тот, кто взял добычу в наших землях и надеялся уйти незамеченным.

– Я конунг свеев, и зовут меня Олаф сын Эйрика Победоносного. И не слыхал я о том, что викинги с Йомсборга теперь стоят на защите вендских земель. Слыхал я зато, что повелителем у них – конунг Свейн, которому с недавних пор я подарил мир.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.